
Моя скромная звезда
Светлана Ильина

Светлана Ильина

Моя скромная звезда

«Автор»
2026

Ильина С. В.

Моя скромная звезда / С. В. Ильина — «Автор», 2026

Англия, 1913 год. Молодой врач Эдвард Моррис влюбляется в замужнюю богатую леди Бриджит — и самым удивительным было то, что Бриджит ответила ему взаимностью. Возможности быть вместе помешала Великая война: она разрушила их планы, а из неуверенного в себе доктора вылепила настоящего героя. Вернувшись к мирной жизни, он обнаружил, что, хотя леди Бриджит стала свободной, в Англии царят прежние порядки: знатная женщина не может свободно выйти замуж за безродного. В поисках свободы и любви героям приходится идти на жертвы, и в конце концов они обретают истинное счастье.

© Ильина С. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 20
Глава 5 27
Глава 6 32
Глава 7 39
Глава 8 46
Глава 9 52
Глава 10 55
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Моя скромная звезда

Часть первая Глава 1

Я шёл по одной из маленьких улиц Восточного Лондона и, шепча проклятья, вытирал кровь, запёкшуюся под носом. Мой первый опыт самостоятельной жизни закончился дракой с соседом.

— Что за идиот, — пробормотал я, поднося к носу платок, — кому нужна его жена?

Каждый шаг в моей голове отдавался будто удар молота. Я был зол, но, впрочем, в глубине души даже благодарен этому грубияну-австралийцу за то, что он положил конец моим сомнениям съехать отсюда побыстрее. Эти улицы, бесконечные и мрачные, давно навевали на меня уныние. Моё жильё было пропитано капустной вонью. Всё было страшно грязным. Гиблое место, из которого нужно было бежать сразу, а я всё медлил…

Я был дипломированным врачом, закончив благодаря отцу Кембридж. Мне не хотелось идти по стопам родителя, Генри Морриса, и стать производителем одежды, пусть даже самой качественной и дорогой. К счастью, у меня имелся старший сводный брат — Пол, и родитель, видя в нём прекрасного помощника, не настаивал на моём участии в семейном бизнесе. Он предлагал мне помощь с жильём, но я гордо отказался и снял первую комнату самостоятельно. Однако неудачно — в рабочем районе, с красно-кирпичными домами, напоминавшими бесконечный склеп, я чувствовал себя ужасно.

Мой приятель Джон давно звал разделить с ним его квартиру в центре города, а главное, плату за неё. Но я всё раздумывал, пока… жена соседа не пожаловалась на странное уплотнение в груди.

Осторожно ощупав припухлость, я сразу распознал карциному, которая, в отличие от стареющей женской груди, ощущалась упругим, перекатывающимся комочком. Именно в этот момент открылась дверь. Ничего не спрашивая и не возмущаясь, ревнивец-муж с порога пролетел несколько метров и со всего размаху ударил меня по носу. Последним моим воспоминанием было ощущение волосатого кулака. Когда я очнулся, в комнате никого не было. Кое-как приведя себя в порядок, я быстро собрал вещи и выбрался, пошатываясь, на улицу.

Приятель поджидал меня в пабе, чтобы вместе пообедать. Когда я вошёл, он посмотрел на чемодан и ухмыльнулся. Потом его взгляд поднялся выше, и ухмылка повисла как улыбка чеширского кота.

— Ты… как? — выдавил он.

— С учётом обстоятельств, сносно, — буркнул я, садясь напротив и пиная чемодан под стол, — это называется, помог женщине.

— А что у неё болело?

— Грудь. Я стал её осматривать, а в это время появился муж.

— Ты что… щупал её грудь? — со скрытым восхищением спросил Джон.

Отхлебнув прохладного пива, я сумел подавить раздражение.

— А как прикажешь мне ставить диагноз? На глаз? Да, щупал, потому что заподозрил у неё рак груди… Чего смеёшься? Ты бы посмотрел на эту тётку, — я поискал сравнение, — это же чемодан без ручки! Кому она нужна, кроме её болвана-мужа? Мне просто её стало жалко, — щупая нос и с досадой ощущая, что он распухает всё сильней, сказал я.

— Ты же не хирург, Эдвард, насколько я помню, ты, в основном, лёгкими занимаешься. Так ведь?

— Так, ну и что? Когда-то я хотел и хирургом стать, но ты же знаешь, сколько лет нужно ходить в ассистентах, пока дадут звание, — я с содроганием вспомнил, как профессора отчитывали меня за малейшее неповиновение, — да ещё и терпеть бесконечные нотации: как хорошо

было раньше, как прекрасно лечили, зачем непроверенные нововведения? Настоящие замшелые ослы.

— Брось ворчать, Эдди, я-то на твоей стороне, — усмехнулся Харрис.

Мы учились с Джоном в колледже, потом в университете. Только я закончил медицинский факультет, а приятель финансовый, чтобы работать в банке отца. Женившись несколько лет назад, он был вполне доволен жизнью, пока не грянул банковский кризис в 1907 году. С тех пор доходы его немного упали, но выглядел Джон Харрис по-прежнему упитанным, высоким джентльменом с блеклыми серо-голубыми глазами, белой кожей и чуть растрёпанными волосами от постоянного ветра в нашем городе.

— Так ты ко мне или в городскую квартиру отца? — с надеждой спросил он, когда мы расплатились за пиво.

Представив злорадное лицо старшего брата Пола, если приду к отцу с чемоданом, я решился:

— К тебе. Как-нибудь наскребу плату.

Стоимость аренды была максимальной для моих возможностей, но район был престижный, и плату за приём можно будет поднять. Кроме того, Джон предлагал мне не одну комнату, а две. В одной я намеревался сделать кабинет для приёма будущих пациентов, а в другой жить.

Однако меня смущало соседство с семьёй Харриса. Если он сам довольно словоохотлив, то какой же окажется его жена? А может, ещё и дочка умеет разговаривать… По природе я не был угрюмым, но пустая болтовня меня утомляла. Я бы предпочёл какую-нибудь неразговорчивую тварь.

— А вы с женой не будете против, если я заведу собаку? Давно мечтаю, да всё никак не определюсь с породой.

В ответ я получил страстные заверения, что я могу заводить какое угодно животное, лишь бы оно не покусало его семью.

Как только мы вышли из паба, Джон поймал такси и повёз меня к себе. Вскоре мы подъехали к одноэтажному домику с двумя входами. Я сразу прошёл на свою половину и осмотрелся: ничего особенного, всё, как и ожидалось, довольно скромно, если не сказать — убого.

Через короткое время раздался стук с половины Джона.

— Ну как, ты доволен? Осмотрел свою комнату? — приятель довольно потирал руки, будто предлагал мне не убогую обстановку, с неказистой кушеткой и протёртым креслом, а будуар покойной королевы Виктории.

Единственным достоинством этой комнатушки был камин. Вторая комната была ещё меньше, но поуютнее — здесь стояла широкая кровать и массивный шифонер из красного дерева.

— Ладно, сойдёт, — вздохнул я, — сегодня же поеду домой за книгами и остальными вещами.

— Твоя мать, наверное, расстроится, она-то надеялась, что ты вернёшься, — подмигнул Джон, напомнив, как надо мной потешались в Кембридже, что я жил с родителями вопреки всем правилам самостоятельных молодых людей.

— Расстроится, — я не поддержал его шутку, — но теперь я могу оставить её без опёки. За время учёбы я всё, что мог, узнал, как лечить её астму, — не без тайной гордости добавил я.

— Удивительно, что ты в Лондоне ещё не приобрёл известность — развалясь в старом кресле и ещё раз окидывая хозяйским взглядом комнату, заметил Джон, — в Сент-Олбансе судачат, что ты бесплатно перелечил всю прислугу и их хозяев впридачу,

— Ну, я не на край света переселяюсь, — возразил я, — а то, что лечил бесплатно, так, если честно, это я должен был платить бедным больным. Они терпели мои эксперименты. Но практика хорошая, да и, действительно, я многим помог. Особенно дамочкам, которые сами не знают, где и что у них болит.

— О, мой друг, здесь ты попал в точку. Моя Лилиан как раз из таких дамочек и уже спрашивала, когда можно будет зайти к тебе?

“Началось”, — подумал я с досадой, но вежливо улыбнулся:

— Как только окончательно устроюсь, осмотрю её без очереди.

— Отлично, так я ей и передам. Только… будь добр… — он замялся, — если что-то серьёзное, не осматривай её без меня.

Я мрачно посмотрел на него и промолчал. Старые девы и высоконравственные домохозяйки своими дурацкими предубеждениями доводили меня до белого каления, требуя, чтобы я ставил диагноз только по их путанным объяснениям.

— Не буду, — наконец, выдавил я.

Джон быстро поднялся, радостно потряс мне руку и, объяснив ещё несколько деталей совместного проживания, удалился. А я поехал на вокзал.

В Сент-Олбанс поезд меня доставил довольно быстро. Однако при начавшемся моросящем дожде я долго высматривал кэбы, которые словно растаяли из-за плохой погоды. Наконец, нашёлся один экипаж с худой лошадёнкой.

— Это же почти на краю, сэр, — прохрипел кэбмен, узнав адрес, — с кем я обратно поеду? Извольте доплатить.

Нечего было делать. Вздохнув, я согласился и залез внутрь экипажа, с удовольствием спрятавшись от мерзкого дождя.

Дорогой я думал о том, каким всё-таки ловким дельцом был мой отец — Генри Моррис. Рассудив, что нужно расширяться, он не стал покупать жалкую квартирку в Лондоне, а нашёл старый, но красивый дом неподалёку от столицы. Вложил в его ремонт немало средств, и теперь мы жили по соседству с местными аристократами. Иногда, наедине со своей семьёй, то есть с моим сводным братом, со мной и матерью, он любил вспоминать, что начинал всего лишь с ученика портнихи в Хэмпшире, а теперь с ним за руку здоровается барон Олденхэм, живущий по соседству. Мать только улыбалась в ответ.

Она родилась в семье скромного греческого священника и не забыла своё бедное детство. Вероятно из-за своего ортодоксального взгляда на жизнь, успех и достаток семьи она считала Промыслом Божиим, а вовсе не заслугой своего мужа.

Я очень любил свою мать и готов был терпеть ради её здоровья насмешки приятелей, но здесь был с ней не согласен. Мне казалось, что вера в Бога делает человека пассивным. В нынешнее время, когда вокруг всё просто кипело и развивалось, менялось буквально каждую минуту, надеяться на какой-то Промысел, а не на свои руки было глупо. Впрочем, религию я не отрицал, а находил её заслуживающей оправдания в той мере, в какой она может быть полезна. Если матери религия прибавляет душевного спокойствия — так тому и быть. Мне её вера не мешала.

Во всём я был типичным англичанином, похожим на своего отца. У меня были такие же соломенные волосы, голубые глаза и до сегодняшнего дня самой обыкновенной формы нос, на котором по весне проступали веснушки. Отец сумел привить мне свою любовь к поэзии, которая, пожалуй, была его единственной слабостью, и очень любил, когда я вставлял цитаты из шекспировских сонетов.

Единственным отличием от английского характера во мне была нетерпимость к насмешкам над собой. Практиковать на мне своё остроумие любил мой старший брат Пол, и поэтому я не считал его своим другом.

Кэб ехал по извилистой улочке, вилявшей и петлявшей, как английский пьянчуга. Почти все дома были ограждены живой изгородью из колючейшего шиповника, собачьего шиповника и красно-бурого шиповника. Иногда эти колючки разбавлялись ольхой, вязом или клёном. Каждый житель Сент-Олбанса испытывал нежную привязанность к этим насаждениям и искренно скорбел, если вредители уничтожали старые деревья.

Однако я подозревал, что главное назначение колючих кустарников было довольно прозаичным — обозначить границы своих владений. Для англичан, ценящих уединение превыше всего, границы настолько важны, что в прежние времена на край своей земли они приводили пороть детей. Эта церемония даже имела название “Околачивание границ”. В ней, на мой взгляд, соединились два английских порока — ревностная охрана границ и пристрастие к телесным наказаниям. Первое я замечал и за собой, а второе мне было не по душе. Из чего я сделал вывод, что всё-таки во мне проявляются черты обоих родителей: отца, с его прагматичностью, и матери, с её излишней сентиментальностью.

Как ни поздно уже было, в нашей гостиной горел яркий свет. А возле дома стояло авто.

В холле меня встретил Томас, наш слуга. Шаги у него были спокойные, даже вкрадчивые, но удивительным образом он всегда оказывался там, где был особенно нужен.

— Кажется, у нас опять в гостях леди Бриджит? — спросил я, раздеваясь.

Слуга кивнул утвердительно. Он разглядывал мой распухший нос, но, естественно, не выказывал удивления.

— Ну ясно… И чего ей не сидится дома в такую погоду? — со вздохом спросил я.

После того, как я бесплатно вылечил нашему слуге весьма деликатную болезнь, Томас зауважал меня, пожалуй, больше, чем моих родителей.

— Вы же знаете, сэр, — принимая у меня сырое, потяжелевшее от воды пальто, участливо ответил он, — леди Бриджит дружит с вашей матушкой. Они встречаются на службе, а потом баронесса провожает леди Моррис домой.

— Ну и пусть дружат на здоровье. Сегодня баронесса опять играла на органе?

— Да, сэр, как всегда по пятницам.

— Надо как-нибудь зайти послушать, — пробормотал я, — да, Томас, поможешь мне собрать книги? Я нашёл наконец приличную квартиру.

— Слушаюсь, сэр, — после лёгкой заминки ответил тот.

Лицо его осталось невозмутимым, но по неуловимым признакам я заметил, что он чуть огорчился.

— Не волнуйся, я буду часто приезжать, — ободрил я его.

Как истинный англичанин, он только молча поклонился в ответ.

Дружба матушки и леди Бриджит состоялась на религиозной почве. Сент-Олбанс славился величественным средневековым собором, где недавно, после реставрации, появился орган. За реставрацию отвечал отец мужа леди Бриджит, первый барон Олденхэм, а леди Бриджит, тогда просто Бриджит, была помощницей у своего отца-органиста. Неудивительно, что её будущий муж Олбан, видимо, названный как раз в честь святого, и красивая, хотя и не знатная, девушка познакомились в храме и вскоре поженились.

Теперь её отец-органист умер, и леди Бриджит играет вместо него. Сначала никто не верил, что у неё получится. К женщинам в Викторианскую эпоху, да, пожалуй, и в нынешнюю, относились недоверчиво. Беднягам, желающим успешно выйти замуж, чтобы не шокировать мужчин, приходилось притворяться беспомощными и глуповатыми, даже если они получали хорошее образование. Не такой была будущая леди Бриджит. Страстно увлекшись игрой на органе и обладая незаурядным талантом, она бросила вызов обществу, объявив себя органисткой. Общество, конечно же, было шокировано. И до сих пор местные кумушки с удовольствием, я уверен, зубоскалят на её счёт. Но так как дружба с молодой леди была честью для любой из них, язык они всё-таки придерживали.

Моя мать, Агата, православная по вероисповеданию, не могла часто ездить в греческий храм в другой город. Поэтому она приходила в наш англиканский собор, чтобы поклониться изображению святого Олбана, которого чтят и ортодоксы. А подружившись с леди Бриджит, стала посещать каждую службу, когда та играла.

У меня леди Бриджит вызывала смешанные чувства. Она была весьма милой, хрупкой женщиной, которую даже сложно было представить играющей на величественном органе. Её карие умные глаза, каштановые кудряшки, вылезающие на белый лоб из-под шляпки, тоненький носик могли свести с ума любого мужчину, если бы она не имела довольно своенравный характер.

Когда она впервые появилась в нашем доме, я ещё учился в Кембридже, и кроме снисходительной улыбки от старшей меня на пять лет женщины ничего другого не удостаивался. Зато от моей матушки леди Бриджит узнавала о всех проблемах, волновавших меня в то время — начиная от юношеских прыщей и заканчивая отношениями с однокашниками. Своими насмешками баронесса подчас не уступала моим сверстникам. Это помешало нашему сближению и в дальнейшем. Вот и сейчас, подойдя к двери гостиной, я услышал звонкий смех и насторожился.

— А вы знаете, милая, мой Эдди-то ещё и писателем хочет стать. Не дают ему покоя лавры Джерома и Диккенса.

— Вот оно что, — протянула леди Бриджит. И опять я услышал в её ответе сарказм, — в двадцать пять лет мистер Эдвард посчитал себя знатоком человеческих душ, раз решил стать писателем?

— Может и так, дорогая. В любом случае, я не хочу его отговаривать. Вдруг у него и вправду есть талант, — прозвучал низкий голос моей матушки.

Взбешённый, я открыл дверь.

Глава 2

В камине ярко горел огонь. Мать и леди Бриджит сидели на кушетке за изящным викторианским столиком, на котором стояли две чашки чая. Взоры обеих женщин устремились на меня.

Я церемонно поклонился, но не сказал ни слова, чтобы не выдать раздражения.

— Эдвард, ты так поздно? Мы тебя не ждали, — поспешно сказала мать, — а что с твоим лицом?

— Ничего страшного, потом расскажу, — сухо ответил я.

Тревога в её голосе, скорей всего, была не из-за моего позднего возвращения, а из-за подозрения, что я слышал последнюю фразу.

Я пристально посмотрел на неё. Мать, ещё красивая лицом, с идеальным греческим профилем, из-за малоподвижности сильно погрузнела в последние годы. Чуть сиплое дыхание выдавало, что у неё астма.

Плюхнувшись в кресло возле камина, я отвернул лицо от женщин, чтобы не демонстрировать свой злополучный нос.

— Не ждали, но говорили о вас, — с лёгкой улыбкой добавила баронесса.

— Да, я слышал, — не поворачивая головы, ответил я.

— Вот как? Вы подслушивали наш разговор?

— Я подошёл к двери и услышал, баронесса. Или вы считаете, что мне нужно было зажать уши руками? Но тогда мне было бы нечем открыть дверь.

Я повернулся и надеялся увидеть в её глазах смущение, но не такой была баронесса Олденхэм.

— Да, конечно, мистер Эдвард, я понимаю, — почти серьёзно ответила она, — надеюсь, вы не обиделись на меня, что я усомнилась в вашем писательском таланте?

— Я больше обижен на вас, матушка, что вы выболтали мой секрет баронессе, — обратился я к матери.

Её чёрные глаза смотрели взглядом раненой косули. Большая грудь под тяжёлым атласным платьем вздымалась чаще, чем обычно. Своей фразой я её взволновал.

— Прости, Эдвард, но леди Бриджит моя единственная подруга в этом городке, и мне так хотелось поделиться с ней.

— Да, леди Бриджит, пожалуй, уже давно в курсе всех моих дел, — с усмешкой заметил я.

Я ощущал, что краснею, как мальчишка, и, понимая, что выгляжу смешно, ничего не мог с этим поделать.

— Так почему же вы захотели стать писателем?

В это время открылась дверь и вошёл Томас с горячим чайником. Не спеша налив себе чаю, я сделал пару глотков и постарался ответить невозмутимо:

— Видите ли, миледи, когда я думаю о своей жизни, то не могу себе представить, что она вся будет состоять из копания в чужих организмах, больных в той или иной степени. В жизни каждого человека должно быть что-то прекрасное. Вот моя матушка находит прекрасное в религии, вы — в игре на органе, а я в писательстве.

— Значит, вами движет просто чувство прекрасного? И к нему не примешалось желание прославиться?

— А вам не хотелось бы прославиться как органистке? — я решил перебросить пас.

Леди Бриджит впервые смутилась.

— Вы правы, я думала об этом. Но, честно говоря, пока не решаюсь концертировать. Думаю, барон не поймёт моё рвение. Вы же знаете, он принадлежит консервативной партии, а значит, не очень одобряет перемены.

— Это ещё один аргумент в пользу того, почему я хотел бы стать известным писателем. И моё тщеславие может сослужить мне хорошую службу. Известность даёт право подниматься над отжившими правилами и диктовать свои. Вам прощается необычное поведение из-за вашего титула, а у меня его нет, поэтому я пойду другим путём.

— Подожди, мой мальчик, — с беспокойством перебила меня мать, — я не поняла ты решил бросить практику?

— Нет, конечно, я как раз приехал сообщить, что наконец нашёл подходящую квартиру, где у меня будет и кабинет для приёма пациентов, и жильё. Но ты не волнуйся, я буду приезжать каждые выходные. Надеюсь, леди Бриджит не оставит тебя своим попечением.

— Конечно, не оставлю, не волнуйтесь, — алые губки баронессы опять сложились в насмешливую улыбку. — Позвольте спросить, а для кого предназначены будут ваши рассказы? Для мужчин или для женщин?

Чуть подумав, я ответил:

— Наверное, для всех, но уверен, что мужчины больше интересуются литературой, поэтому, скорей всего, для них.

— Мне всегда смешило, как авторы-мужчины описывают внутренний мир женщины. А ещё смешнее читать их советы, как завоевать сердце возлюбленной.

— Боюсь, мэм, в наше время самое главное достоинство в мужчине — это деньги. Тут и советы не требуются. Есть деньги, способен обеспечить семью — никаких особых усилий прилагать не нужно. Вот если наоборот, тогда — да…

Леди Бриджит смотрела на меня почти зло. Губы её крепко сомкнулись, и я подумал, а не этот ли главный аргумент использовал её муж — лорд Олденхэм? Но это длилось лишь миг, и она продолжила с явным сарказмом в голосе:

— А я ещё я считаю, что сложно описывать то, в чём вы, мужчины, абсолютно не разбираетесь — женскую душу. Все женщины у господина Джерома выглядят как на подбор — глупыми и занятыми только лишь детьми и хозяйством.

У меня готово было вырваться восклицание — а это не так? Но я решил не обострять и без того напряжённые отношения.

— Мистер Эдвард, вы нам будете читать ваши первые рассказы, раз уж я в курсе вашей тайны? — уже мягче спросила она, видя, что я не отвечаю.

Я задумался — а почему бы и нет? Эта заноза может оказаться хорошим критиком, полезным для меня. Единственно, что меня доставало — это её ирония.

— Может, и буду, — с ответной улыбкой кивнул я и тут же небрежно добавил: — но не обижайтесь, если в моём рассказе вы узнаете себя.

— О, и какой же вы меня изобразите?

Я подумал и процитировал:

Кто под звездой счастливою рождён —
гордится славой, титулом и властью…
Под солнцем пышно листья распростёр…

— Возможно, так? Я ещё не решил…

Бледные щёки баронессы мгновенно вспыхнули.

— Это глупо и пошло всех мерять одной меркой — богатством! Благодарю вас, теперь я знаю, что вы обо мне думаете, — сердито произнесла она и повернулась к матери: — Что-то я засиделась, Агата. Мне пора. Прощайте, мистер Эдвард, — не глядя мне в глаза, она кивнула и, стремительно прошуршав мимо меня шёлковыми тканями, направилась к выходу.

Не ожидав такой реакции, я опешил, но всё же встал, чтобы проводить гостью.

В холле Томас предупредительно держал накидку баронессы. Та быстро одевалась, всё ещё пряча взгляд. А я молча разглядывал её стройную невысокую фигурку в модном, с длинным шлейфом, с высокой талией, платье, её тонкие руки, обвитые чёрной кружевной тканью, её ловкие пальцы, быстро поправлявшие чуть растрепавшиеся волосы. Не проронив ни слова, она вышла в уличную темноту, где её ждало авто.

— Так где ты будешь жить? — спросила мать, когда я зашёл к ней в спальню, чтобы осмотреть её перед сном.

— В центре Лондона, — ответил я, слушая её новейшим стетоскопом, который выписал из Франции.

— Рядом с магазином отца?

— Недалеко, — кивнул я и, убрав стетоскоп, уселся в любимое кресло рядом с кроватью.

— Эдди, зачем ты обидел Бриджит? Она такая одинокая…

— Почему она одинокая? У неё есть муж… Детей, правда, нет, зато ты с ней дружишь.

— Ты же понимаешь, о чём я говорю. Она вовсе не гордится ни своим титулом, ни богатством. Ты хочешь с ней поссориться?

— Матушка, я вообще ничего не хочу. Она твоя подруга, а не моя. Меня задевают её насмешки — это правда, но, к счастью, баронесса не моя жена. Вот пусть барон Олденхэм и переживает, что у него жена такая язва.

Мать ничего не ответила, только вздохнула, отведя взгляд чёрных глаз. Я посмотрел на неё пристальней — не нравилась мне её хандра в последнее время. Может, зря я всё-таки переселяюсь в Лондон.

— Не волнуйся, Эдди, — угадала она мой озабоченный взгляд, — старший брат из Солуников прислал письмо, что сильно болен. Думаю, съездить к нему в Грецию. Нужно с твоим отцом поговорить…

Последние слова она уже бормотала с закрытыми глазами. Я тихо вышел из её спальни.

Когда утром я выглянул в окно, то заметил подъехавшее авто чёрного цвета, которым очень гордился мой старший брат. Водить авто Пол выучился быстрее, чем отец, и с удовольствием носил очки-авиаторы, нужные, на мой взгляд, только в поездке с открытым верхом. Увы, но его ловкость в освоении машины явилась ещё одним поводом для чувства превосходства надо мной.

За столом отец выглядел уставшим и сонным, но довольным. Движения его жилистых рук были замедленными, но взгляд серых глаз, который он переводил с матери на меня, живым и приветливым.

— Как вы тут? Заскучали небось?

— Конечно, Генри, — мать светилась. Она любила, когда все собирались вместе, — что тебя задержало вчера?

— Заказ, Агата, большой заказ от правительства, — намазывая маслом хлеб, доверительным тоном ответил он, — кто-то занимается политикой, а мы с Полом на подхвате, — он подмигнул старшему брату.

— *“Как радует отца на склоне дней наследников отвага молодая”*, — тихо процитировал я.

— Это точно, отец, — согласно кивнул брат, не обращая внимания на мою реплику. Он быстро прожевал аппетитно поджаренный бекон и продолжил: — любая политика делается при помощи армии, и её нужно одевать. И мы тут как тут… А ты, Эдвард, нашёл себе квартиру или остался “с носом”? — скаламбурил Пол и сам захохотал от своей шутки, видимо, уже зная от матери, как мне не повезло с соседом.

Было в моём брате что-то американское, казавшееся мне нарочитым, — жизнерадостное, шумное, слишком белозубое и слишком самодовольное. Непродолжительная учёба в Америке сделала его больше похожим на янки. Но отец его любил, и я частенько замечал, что он срав-

нивал нас, и, боюсь, не в мою пользу. В отличие от меня, Пол казался непробиваемым для насмешек, поэтому я не пытался острить в ответ.

— Нашёл отличную квартиру, — я чуть покривил душой, — думаю, там и практика будет хорошей. *“Не беден я, не слаб, не одинок”*, — уже громче для отца продекламировал я.

Отец испытующе посмотрел на меня и улыбнулся, но ничего больше не спросил.

— Кстати, Агата, нас соседи пригласили на представление в Олд Вик. Труппа под управлением этой мадам… как её, Пол, не помнишь?

Тот покачал головой.

— Лилиан Бейлис, отец, — встрял я.

— Да, точно, спасибо, Эдди, так вот… они объявили о начале постановок Шекспира. Я бы очень желал пойти, но абсолютно нет времени. Эдди, ты пойдёшь с матерью? Сможешь освободить денёк? У тебя ещё не слишком много пациентов?

— Смогу, отец, пациентов пока мало, — чувствуя, что предательски краснею, ответил я, — а какую пьесу будут играть?

— По-моему, “Генриха V”…

— Иди, иди, Эдди. На тебя не только отец рассчитывает, — гадко ухмыльнулся Пол, скаля зубы.

— А кто ещё? — нахмурился я.

— Думаю, лорд Олденхэм откажется в последний момент, и, чтобы не обижать свою молоденькую жёнушку, зашлёт нижайшее прошение к нашему Эдварду, чтобы он сопровождал на спектакль его жену.

— Брось, Пол, — усмехнулся отец, — почему лорд должен отказываться от спектакля? И почему именно Эдварду он должен написать?

— Потому что Эд уже давно слывёт дамским угодником из-за слишком вольного обращения с пациентками. В нос-то из-за этого получил?

Я не ответил и только скрипнул зубами.

— Это всё я виновата, — вступилась мать, — из-за моей болезни Эдди не уезжал из родительского дома, вот и прослыл любителем женского общества. А леди Бриджит и вправду может пойти с нами, если лорд не сможет…

— И правильно делал, что не уезжал, — невозмутимо подтвердил отец, вытирая рот салфеткой, — лучше презреть обычаи, чем пожертвовать твоим здоровьем.

— Ты-то чего переживаешь, Пол? Или завидуешь? — наконец, ответил я.

— Ну уж нет, братец, мне их дружба ни к чему. Насмотрелся я на их снобизм, — внезапно посерьёзнев, отрезал Пол, — и тебе не советую с ними сближаться, а то пожалеешь.

— Пол, тебя кто-то из наших клиентов обидел? — взял его за руку отец.

— Да ты сам, отец, не видишь? Ведут себя как короли, нагло и высокомерно. А в чём их заслуга, если они родились аристократами, а мы из грязи поднялись почти до самого верха?

— Ну-ну, мальчик мой, не стоит так волноваться. Так устроен мир… У них вся власть в этой стране, а власть нужно уважать. Да и лорд Олденхэм ещё ни разу не подал мне повод почувствовать себя простолюдином. Эдди, вот билеты…

Пол с видом упрямого осла доел завтрак и вышел из столовой, а я взял билеты в Олд Вик с уже менее радостным чувством. Лучше бы я не слышал этого разговора. А если Пол прав и лорд действительно меня использует как гувернёра для своей жены? Я вспомнил пару раз, когда он просил меня сопроводить леди Бриджит в Лондон на выставку, и мои сомнения вкупе с насмешками Пола почти отбили у меня желание идти на спектакль. Пойду только ради матери, а если Олденхэм будет навязывать мне свою жену, то сошлюсь на занятость, — решил я и успокоился.

Глава 3

Мой переезд в квартиру приятеля не остался незамеченным для его жены. Накануне Джон представил нас, и теперь миссис Харрис по-хозяйски распоряжалась грузчиками, что куда нести и куда ставить. Я не спорил, потому что сам ещё ничего не решил.

— Мистер Эдвард, я тут заметила, — когда наконец мы закрыли дверь на улицу, начала она разговор, установив руки в боки, — что у вас ничего нет для придания уюта. Позвольте предложить вам вот эту скатерть и шторы для окон поплотнее…

— Стойте, миссис Харрис, мне не нужна скатерть, да и шторы меня устраивают. И заберите, пожалуйста, этих слоников, которые вы, я смотрю, уже успели выставить на полке.

— Ну почему? — зелёные глаза её расширились, — вы приверженец новой моды с голыми стенами?

— Да, пожалуй, так, — кивнул я.

Женщина поджала и без того узкие губы, собрала слоников в карманы фартука и с видом оскорблённого достоинства удалилась из моей половины.

Вообще-то, я не хотел с ней ссориться. Как я успел заметить, и перед домом, в крошеченом палисаднике, выложенным мелкой плиткой, и внутри дома было довольно чисто и ухоженно. Всё было удобно — при входе висело высокое зеркало, рядом с которым стояла подставка для зонтиков и вешалка для шляп и пальто. Стены были аккуратно обклеены полосатыми обоями. В хозяйской гостиной стояла прекрасная мебель. Однако всё было задрапировано, кроме разве что кочерги. Бахрома свисала со всех полок, в том числе и с каминной. Даже кронштейны для газовой лампы были обёрнуты муслин-кисиёй. И везде, куда падал взгляд, он натыкался на всевозможные безделушки.

От обилия предметов в небольшом помещении воздух казался пыльным и даже затхлым. А может, это из-за того, что квартира находилась в центре города, где авто встречались гораздо чаще, чем кэбы.

Да, придётся мне привыкнуть к городскому смогу, — подумал я, открывая окно, чтобы пустить внутрь первое весеннее тепло.

— Мистер Эдвард, вы не боитесь простудиться? — раздался сзади детский голосок.

Я обернулся. Передо мной стояла девочка лет пяти с куклой в руках.

— Нет, не боюсь, мисс…

— Мисс Алиса, — умело присела девочка, склонив русую головку.

— О, мисс Алиса, вы такая умница, — протянул я, невольно проникаясь симпатией к крошке.

— Благодарю вас, мистер, но я всё-таки боюсь за Эмили, — она показала на старую куклу, закутанную в клетчатый платок, — вдруг она простудится от холодного ветра?

— Не беспокойтесь, мисс, — я присел на корточки перед девочкой, беря её за руки, — если ваша кукла, или вы, или ваша матушка заболеете, то я вас сразу вылечу.

Серые глазки девочки смотрели на меня серьёзно не по-детски.

— А папу? Вылечите?

— Конечно, я же врач.

— А вы хороший врач, сэр? — ещё серьёзней спросила она.

— Надеюсь, да, а почему ты так беспокоишься, детка?

— Потому что у нас уже умер младший братик. Мама говорит, что он на небесах, а сама всё равно плачет. Я не хочу умирать, а то она навсегда заболеет от горя.

Я медленно выпрямился и отошёл к столу.

— Мне очень жаль, Алиса, но такое случается в жизни, — уже тише пробормотал я.

Девочка походила по комнате, провела пальчиком по пыльному столу и, заглядывая мне в глаза снизу вверх, доверительно прошептала:

— Я буду молиться Богу, чтобы он не забрал меня… Ты будешь молиться со мной?

Я кивнул, ощущая жалость к малышке и готовый пообещать ей всё, что угодно. Она напомнила мне мой собственный страх по отношению к своей матери.

Мать была тем человеком, с которым можно было не притворяться сильнее или умнее, чем ты есть на самом деле. Во взгляде отца я всё время читал оценку своим действиям, мать же любила и принимала меня таким, каким я был, и не требовала от меня подвигов.

Вскоре я познакомился с пожилой, ворчливой кухаркой. За отдельную плату она готовила и для меня, но, кроме денег, с моей стороны потребовалась услуга по оказанию психологической помощи. Выглядело это так: кухарка приносила мне обед и, пока расставляла посуду на небольшом обеденном столике, вываливала всё, что накопилось у неё за прошедшие сутки.

— Угадайте-ка, доктор, сколько посуды мне приходится перемывать после ночи? — както утром спросила она, наливая мне чай.

— Кто же может ночью пачкать посуду? — поглядывая на яичницу с жареным беконом и зелёным горошком, рассеянно спросил я.

— Как кто? Так мистер Харрис! — всплеснула руками она. — Хозяин не любит горячий чай, но вставать раньше не хочет, поэтому без конца переливает из одной посудины в другую, чтобы он быстрее остыл. Так что пачкает чашку, — она стала загибать пальцы, — ковшик для молока, большую кастрюлю…

— Стойте, миссис Ленц, а причём тут кастрюля? — перебил я её.

— А притом, что в большой кастрюле кипяток быстрее остывает, — словно защищая Джона, напала она на меня, но тут же опомнилась и добавила: — а ещё и стол весь в крошках, нож испачкан в масле, ложки покрыты сахарным сиропом и вдобавок выпачкано полотенце, которым он пытается затереть следы, — сердито закончила миссис Ленц.

Я жевал и сочувственно кивал, но воздерживался от комментариев, чтобы не стать сплетником. Кухарка, ещё поворчав, наконец ушла, и я закончил завтрак в тишине.

После её очередной жалобы мне пришло в голову описать эту колоритную женщину. Казалось, что получилось остроумно, но, когда я закончил, то вдруг понял, что изобразил женщину именно так, как предсказала леди Бриджит, выставив героиню глупой и смешной. Чертыхнувшись, я выбросил свою неудачную пробу пера и отправился встречать мать, чтобы ехать с ней в театр.

На вокзале Кингс-Кросс было людно. Утром из пригорода целая армия чиновников приезжала в столицу, а вечером отправлялась обратно. Мать выделялась из серой толпы своим дорогим чёрным пальто и любимой шляпкой с пером. Её глаза сияли от удовольствия — не так уж часто она выезжала в Лондон, да ещё по такому приятному поводу.

Мы ехали по вечернему Лондону и молчали. От Темзы поднимался туман и наползал на и без того уже тёмные улицы. Горожан становилось всё меньше, зато авто будто вырвались на свободу. Сигналя фарами и получая в ответ такой же яркий, хищный свет, наш водитель умело маневрировал в потоке машин, но при каждом удачном обгоне нам вслед доносился раздражённый, резкий звук клаксона.

Вскоре мы выехали на улицу Ватерлоо. Олд Вик или “Старушка Виктория”, как театр окрестили горожане, напоминал гигантскую коробку из-под обуви. Раньше театр имел сомнительную репутацию, потому что здесь ставились только дешёвые мюзиклы, и публика с б*о*льшим интересом смотрела на огромное зеркало, служившее занавесом, чем на артистов. Но теперь, я надеялся, всё изменится. Хотя спектакль вряд ли будет таким зрелищным, как мюзикл, мне казалось, что сыграть Шекспира плохо просто невозможно.

Наши места были в одной ложе с четой Олденхэмов. Когда мы подошли к приоткрытой двери ложи, оттуда донёсся мелодичный короткий смех баронессы. Я распахнул дверь перед матушкой.

— О, вот и наши друзья, — добродушно пророкотал своим низким голосом лорд Олденхэм.

Он галантно встал, склонился над рукой матери и, скорее, по-отечески, чем дружественно, пожал мне руку.

Я поклонился леди Бриджит, которая рассеянно ответила на мой поклон и сразу заговорила с матерью о спектакле. Сев на предложенное место, я стал смотреть на сцену, но ничего не видел. В глазах стоял образ Бриджит — завитки её волос на белом лбу, жемчуг на чёрном платье, бледная кожа… Баронесса сидела ко мне спиной, и для меня это было ещё хуже, потому что из-за глубокого декольте спина её была оголённой, и в неё хотелось смотреться, как в зеркало…

Чтобы не попасться в ловушку женской красоты, тем более — чужой жены, я стал думать о пьесе. Однако через несколько минут в нашу ложу вновь отворилась дверь.

Сначала показалась невысокая женщина, не очень молодая, но худенькая и изящная, как балерина. Её черты мне показались смутно знакомыми. Лёгким, почти неслышным шагом она вплыла в ложу, так что лорд Олденхэм, читая программку, даже не сразу услышал её приход. Но вслед за ней военным шагом зашёл лорд Уилби, высокий, дородный мужчина, возвышающийся над маленькой женщиной, как Гулливер, и заполнил своей массивной фигурой всю ложу. Барон снова поднялся и, поздоровавшись с другом, попросил Уилби представить нам свою даму. Та загадочно улыбалась, показывая обаятельную ямочку на смуглой щеке. В отличие от элегантной леди Бриджит, одетой в чёрный наряд, стройную фигурку гостьи обтягивало сверкающее голубое платье, переливающееся при малейшем движении. И тут я её узнал… Это же…

— Это леди Фреэль, лучшая французская певица нашего времени, — громко возвестил лорд Уилби.

— Оставьте, Уилби, — засмеялась она, лукаво сверкая голубыми глазами, — не леди, а просто Маргарет, не приписывайте мне благородства, которого у меня нет.

Она говорила мелодичным голосом, которым когда-то очаровательно исполняла нехитрые французские песни, и приветливо кивала всем присутствующим одновременно.

— *“На берегах Ривьеры”*— это же ваша песня? У меня сохранилась пластинка, — пожимая ручку в ажурной белой перчатке, спросил я.

— Моя, моя, как давно это было, — она окинула меня весёлым взглядом, — ой, где мне сесть и куда можно бросить манто?

Пока я ухаживал за новой гостьей, леди Бриджит так пристально следила за мной, что моё сердце гулко застучало. Я сел в тёмный уголок ложи и замолчал.

— Что вас привело в Англию? — натянуто улыбаясь, спросила леди Бриджит.

Полоснув её быстрым сияющим взглядом, Маргарет разглядела в баронессе соперницу по красоте, удивлённо подняла тонкие чёрные брови, но не сдалась.

— О, мадам, это долгая история, — она говорила по-английски с грассирующим “р”, но довольно бегло, — впрочем, о моём разрыве с Шевалье все, наверное, знают. Чтобы не грустить, я приняла приглашение друзей спеть мюзикл в вашем прекрасном городе.

— Ошибаетесь, Маргарет, — сухо ответила леди Бриджит, — мы не любим собирать сплетни. Но будем рады посмотреть вашу игру.

Пока женщины пикировались, оба лорда, как два заговорщика, о чём-то негромко договаривались, отвернувшись в сторону сцены. Я не пытался подслушивать, но по их едва заметным усмешкам понял, что речь идёт о продолжении вечера, однако без жены барона. Своей

женской интуицией это поняла и леди Бриджит. Она прервала разговор и взглянула на мужа. В её глазах читался немой вопрос, однако лорд Олденхэм сделал вид, что не понял её…

Заиграл оркестр, началась пьеса. На сцене появились тени давно умерших людей. Камзолы, расшитые фальшивыми драгоценностями, золотые цепи на плечах, смешные юбки на мужчинах — всё отсылало в средневековье. Но чувства и страсти, их волновавшие, были так близки нам, что иногда я забывал про эпоху. У театра есть свои преимущества, здесь можно говорить то, что думаешь, в отличие от действительности. Но Шекспир опасался осуждения, поэтому частенько неприятную правду доверял то шутам, то безумцам, то откровенным негодяям. И хотя не все изречения мне были по душе, некоторые били прямо в точку… *"Прежде чем полюбить, надо ослепнуть",* — теперь бы я согласился с герцогом Бургундским, подметив с каким несчастным видом леди Бриджит смотрела на супруга.

В антракте мать попросила меня сопроводить её в буфет. Мы вышли в коридор и сразу попали в течение театралов, жаждущих впридачу к духовной пищи получить и телесную и, наверное от голода, громче обычного обсуждали спектакль. Мать что-то говорила, я машинально отвечал, но мыслями был в ложе. Что будет после спектакля?

В моих ушах стояли насмешки брата — лорд Олденхэм пользуется мной как гувернёром… И я опасался, что это окажется правдой.

После буфета мать направилась в дамскую комнату. А я стал пробираться против течения толпы обратно в ложу. Распахнув дверь, я услышал горькое восклицание Бриджит:

— Почему, Олбан? Почему ты так со мной поступаешь?

Они замерли, обернувшись на меня, и мне показалось, что лорд рад меня видеть больше, чем при первой встрече.

— Моррис, у меня к вам просьба, дружище, — встал он, улыбаясь и блестя глазами, как мальчишка перед первым свиданием, — вы не могли бы сопроводить баронессу до дома? Я скажу водителю, чтобы он подвёз сначала вашу матушку, а потом уже и леди Бриджит. Вы же не против?

Краска бросилась мне в лицо. Мне захотелось непринуждённо отказать, но я не мог придумать повода. Мои зубы стиснулись, и я просто кивнул.

— Вот и отлично.

Лорд не сомневался в моём согласии, а мне хотелось дать ему в холёное лицо то ли за себя, то ли за Бриджит. Она отвернулась к сцене, но я явственно ощущал её напряжение.

Дальнейшие два действия были мучением и для меня, и для баронессы. Мы оба словно оказались в темнице и притворялись, что нам интересно в антрактах слушать о неудачном браке Маргарет, о смерти её ребёнка, о том, что её называли "француженкой с английским изяществом"… Мать за нас двоих поддерживала светский разговор. Я не обладал должными манерами и не знал, что говорят в таких случаях, а леди Бриджит пыталась скрыть горечь, заполнявшую её, но не могла совладать с губами, нервно прикусывая их каждый раз, когда к ней обращались. Её маленькая ножка в замшевой туфле монотонно стучала о стенку балкона, так что, когда разговор затихал, казалось, что кто-то стучится в ложу из партера.

Наконец, эта пытка закончилась. Лорд Олденхэм у машины галантно, полупоклоном, попрощался с матерью, притворно нежно поцеловал супруге руку и опять, не скрывая удовольствия от моей роли гувернёра, похлопал меня по плечу. Его напомаженные бриолином волосы блестели от света фонарей, белые перчатки в руках выглядели словно листы таинственного письма, и мне показалось, что у него зудят руки — он постоянно потирал одну об другую… Уилби с Маргарет ждали его в другой, более просторной машине, стоящей неподалёку. Леди Бриджит в ту сторону ни разу не взглянула…

В авто я сел на переднее сиденье, а мать с баронессой на заднее. В салоне лавандовый запах волос Бриджит смешался с материнским терпким флёрдоранжем. Сначала мы все молчали. Но вдруг я услышал жаркий материнский шёпот:

— Не надо, не надо, моя дорогая, всё наладится…

— Нет, нет, не наладится, — прошелестела Бриджит, и мне показалось, что она всхлипнула.

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида, и снова всё затихло. Я уже думал, что мы так и промолчим всю дорогу. Однако, когда мы выехали из тёмного города на дорогу, ведущую в Сент-Олбанс, баронесса вдруг зашептала:

— Помните, Агата: *"Ведь девушки, воспитанные в тепле и неге, похожи на мух в Варфоломеев день: они слепы, хотя глаза у них на месте…"* Нужно учить молодых девушек не верить тому, что им внушают матери, — с горечью добавила она, — а мне не рыцарские романы надо было читать, а ходить, выспрашивать знакомых, чтобы те рассказали правду о семейной жизни…

— Какую правду?

— Агата, вы же всё поняли, — она тихо вздохнула, — ненавижу ложь, притворство, а всё время в нём живу, — глухим шёпотом произнесла она. Но я услышал. — Кстати, книги про рыцарей придумали тоже мужчины. Ловко они приукрасили своего брата…

Мать молчала, но я, чуть обернувшись, увидел, что она гладит подругу по руке.

В Сент-Олбансе по сравнению с Лондоном стояла фантастическая тишина. Водитель доехал до нашего дома, и я помог матери выйти из машины. К моему удивлению, леди Бриджит вдруг тоже вышла.

— Мистер Эдвард, вы прогуляетесь со мной пешком? Хоть и прохладно, — она зябко поёжилась, — но после театра мне не хватает воздуха.

— Хорошо, — буркнул я.

Машина отъехала, а мы пошли по тёмной улице, лишь кое-где освещаемой жёлтыми фонарями. Самым ярким светилом нам служила луна. Мы шли, а она всё время выглядывала из-за деревьев, будто спрашивая: "Вы ещё здесь?" Внезапно я тоже почувствовал удовольствие от поздней прогулки. Ветер сопровождал нас на протяжении всей дороги: то воровски шуршал в кустах, то подталкивал нас в спины, то играл со шляпкой Бриджит, сдвигая её на затылок, и тогда каштановые локоны рассыпались вокруг её грустного, но милого лица. Мне надоело притворяться, что я ничего не понимаю, и через несколько минут я брякнул:

— Вы думаете, все такие, как ваш муж?

От неожиданности она остановилась и, поправив шляпку, строго спросила:

— А вы хотите сказать, что вы другой?

— Не знаю. Но иногда задаюсь вопросом, как же так получается, что в браке проходит год-два и жена становится сварливой мещанкой, а…

— А муж из любящего жениха превращается в равнодушный пень, который уже не сможет стать цветущим деревом.

— Вы жестоки, — усмехнулся я, всматриваясь в бледное лицо баронессы.

Мы остановились около её калитки, но мне не хотелось, чтобы последнее слово осталось за ней. Во мне всколыхнулось что-то затаённое…

— Но ведь где-то есть счастливые люди, и почему мы не можем быть ими?

Удивление, словно она заглянула в незнакомый для себя мир, мелькнуло в глазах баронессы, но тут же потухло.

— Это всё слова, — вздохнула Бриджит, — и проверить их сможет только ваша жена.

Мы расстались холодно, и угрюмое настроение снова завладело мной. Матушка не спала, и, когда я заглянул к ней в спальню пожелать приятных снов, поманила меня рукой.

— Эдди, подойди… Ты вот таким и гулял с несчастной Бриджит? — впиваясь в меня своими большими глазами, спросила она.

— Каким таким? — нахмурился я.

— Хмурым индюком.

— Нормальным я был… Я же ей не нянька.

Я повернулся, чтобы уйти, но мать дотянулась и схватила меня за руку.

— Постой, сядь… Неужели ты не понимаешь, что у бедной женщины нет здесь друзей. Она так одинока. Лорд живёт своей жизнью, а для него она… — мать поискала слово, — как бедная приживалка, с которой никто не считается. Вот так вывезет её в театр или в ресторан, а потом снова сидит одна. Даже ребёночка Господь не дал, — вздохнула мать и замолчала.

Я не ответил, а молча встал. Мать по привычке перекрестила меня, и я ушёл спать. Но уснуть сразу не получилось. В окно забарабанил весенний дождь, и я порадовался, что мы всё-таки успели прогуляться с Бриджит. Зачем мать вызывает во мне интерес к Бриджит? Она чужая жена… Хотя… в последнее время я стал слишком часто думать о ней…

Мои чувства были сумбурными, обрывистыми, но в глубине души зарождалось что-то большое, всепоглощающее и такое жгучее, что если дать ему возрасти, — я это ясно понимал — оно или согреет, или опалит мою жизнь, а может, и не только мою.

Глава 4

Все последующие дни я ещё раз хорошенько прочувствовал, что значит жить самостоятельно и надеяться только на себя. Пациентов у меня было мало, и я еле наскрёб плату за жильё. Зато появилось время для нового друга, которого я приобрёл с лёгкой руки моего приятеля.

В одно прекрасное, уже почти летнее утро Джон Харрис принёс мне полугодовалого йоркширского щенка. Видно, в благодарность за то, что я разделил с ним арендную плату за квартиру.

— Ты знал, что мне нравятся терьеры? — вытаскивая палец из щенячьей пасти симпатичной серой морды, спросил я.

— Кто же их не любит, — улыбнулся Джон, — правда, извини, он не совсем чистокровный, будет чуть крупнее обычного размера.

— Отлично, это как раз то, что нужно. Кто у него ещё в роду, не знаешь?

Джон не знал, а я догадался уже через несколько дней. У моего питомца в роду был крокодил. Все вещи, попавшие на пол, были тут же изгрызаны. Пиджак, который я неосторожно оставил висеть на открытой вешалке, когда вышел в аптеку, был порван на мелкие тряпочки. Ругать щенка было невозможно. Восторг, с которым он встречал меня, гасил любую злость.

Я хотел дать ему кличку Тоби, но постеснялся господина Конан Дойля и назвал его Бобби, в честь другого знаменитого терьера, охранявшего могилу своего хозяина на протяжении многих лет. Интересно, будет ли ко мне это зубастое чудо питать такие же чувства? Пока его интерес был направлен к еде и к моим вещам.

Даря мне собаку, Джон и не подозревал, какую пользу принесёт она и для его ребёнка.

Как-то я обратил внимание, что Алиса стала больше кашлять. Хорошо зная все признаки начинающейся астмы и способы с ней бороться, я постучался в покои миссис Харрис.

— Мэм, э… — остановленный её холодным взглядом, я не знал, как поделикатнее выразиться, — она так и не простила мне изгнанных слоников, — я заметил, что ваша дочь кашляет…

— И что? Это у неё бывает по весне, — отрезала она.

— Да, может быть, это реакция на пыльцу растений. Но есть ещё одна причина.

— Какая же?

— У вас в комнате слишком много вещей.

— Причём тут мои вещи?

— Разрешите вам показать? — и, дождавшись её неохотного кивка, я подошёл к портьерам, — смотрите, мэм.

Я сильно встряхнул тяжёлую ткань. Миллионы частиц пыли поднялись в воздух и повисли на солнечном луче, проникшем в комнату.

— Видите эту пыль? Она оседает не только на ваших безделушках, но и на всех тряпках в этой комнате, а ещё проникает в лёгкие вашей девочки и в ваши, миссис Харрис.

Женщина сурово смотрела на пылинки и молчала.

— Я знаю, вы очень чистоплотная женщина, но даже у такой замечательной хозяйки пыль найдёт местечко, где поселиться. Как врач, я не могу оставаться равнодушным, когда вижу опасность для вашей семьи.

— Что же делать? — мой комплимент смягчил её, и она смотрела уже более благосклонно.

— Во-первых, смените шторы, уберите с мебели все драпировки, без которых можно обойтись. Лишние мелочи тоже снимите с полок, а если уж вам что-нибудь хочется поставить,

то пусть это будут крупные предметы, например, вазы, с которых сможете чаще стирать пыль. А во-вторых, вашей Алисе нужно больше гулять…

В это время в хозяйскую половину забежал Бобби и сразу впился в мой ботинок.

— Видите, нам тоже пора гулять, — выдирая ногу из цепких зубов щенка, заметил я, — мы можем взять с собой и Алису, если позволите.

Миссис Харрис позволила. И с тех пор мы гуляли с Алисой и Бобби каждый день по два, а то и по три раза. Прошло несколько дней, и кашель у Алисы пропал. Они с щенком стали, пожалуй, даже большими друзьями, чем со мной. Я не боялся, что Бобби может покусать Алису. Такое было просто невозможно. Единственной опасностью для неё было — быть зализанной до смерти. Мне оставалось следить, чтобы он не лез со своими нежностями к её маленькому личику. Алиса похорошела от прогулок: её бледные щёчки порозовели, а глазки заблестели.

Миссис Харрис оказалась благодарной женщиной и растрезвонила на всю округу, какой я отличный врач. Пациентов у меня прибавилось, и я уже веселее смотрел в будущее. Однако мой способ ставить диагноз, не обращая внимания на женскую добродетель, довёл меня до скандала и здесь.

Как-то вечером, когда закрылась дверь за толстым лавочником, со стороны Харрисов раздался требовательный стук. Это был не Джон — он почти не стучал на правах друга. И не кухарка, шаркающие шаги которой я слышал задолго до двери. Нет, это был строгий, почти полицейский стук. Я открыл дверь. На пороге с видом оскорблённого достоинства стояла миссис Харрис.

— Что?..

Я не успел закончить фразу, как, отодвинув меня с дороги, она прошла в глубину моей комнаты и повернулась.

— Что?! Вы ещё спрашиваете, что случилось?

— Я хотел, мэм, но не успел, — усмехнулся я. — Так что же произошло? Кто-нибудь заболел?

Миссис Харрис хватала ртом воздух, как выловленная рыба. Наконец, её прорвало:

— Мистер Моррис, вы, конечно, хороший врач, но… должны же вы знать приличия! Сегодня в лавке я услышала, как все обсуждают мисс Стивенсон. Бедняжка мучается животом уже много лет, доверилась вам, а вы её ославили на весь свет…

— Постойте, мэм, я ославил? Я поставил ей, надеюсь, правильный диагноз и назначил лечение.

— А кто мял её голый живот? Может, я? Как вы посмели? Вам остаётся, как честному человеку, только жениться на ней…

— На пятидесятилетней старой деве? — невозмутимо переспросил я, усаживаясь в кресло и чувствуя, какой трудный был сегодня день, — ну уж нет, увольте. Зачем же она сама разболтала, как я её осматривал?

— Она пожаловалась, что вы её чуть не проткнули насквозь своим пальцем. Так случайно и выяснилось…

— Миссис Харрис, поверьте, если бы я проткнул её насквозь, то ей бы пошло это только на пользу — вытек бы весь жир с её толстого живота и она превратилась бы в стройную леди.

От моей фантазии женщина замолчала, но, видимо, представив, как бы это выглядело, вдруг засмеялась. Тоненький смех рассыпался по комнате и напомнил мне тихий смех Алисы. Я с любопытством наблюдал за ней — до этого я не видел её смеющейся.

— Ну вы и шутник, мистер Моррис. Ладно, впредь советуйте вашим пациенткам держать язык за зубами, — сказала она уже совсем другим тоном и, ещё улыбаясь, пошла к себе.

Как ни странно, данный эпизод привлёк ко мне ещё больше пациентов, и, предсказуемо, именно женщин. Мне было и радостно, и грустно. Радостно, что я своим отказом от лож-

ных правил, которые только несли вред здоровью, стал зарабатывать больше денег. А грустно, потому что знал, что скованные дурацкими приличиями мои коллеги-врачи уступали место шарлатанам, без стеснения лечившими настойками свинца, лёгкими лис и молотыми кабаньими зубами.

Больше же всего меня пугала мода на курение. Курил Джон, курил мой отец, курил Пол, курили уже и женщины. И всё чаще я слышал хрипящие лёгкие и мучился от невозможности поставить чёткий диагноз — рентгеновский аппарат был ещё большой редкостью. Прочитав статью германского учёного Рудольфа Вирхова, я получил подтверждение своим подозрениям, что между воспалением лёгких и раком есть прямая связь. Едкий дым, который так любили вдыхать теперь повсеместно и курильщики, и их собеседники, по моему наблюдению, не выходил из лёгких полностью, а оседал на них тонкой золой. Из-за папирос у нас и с Полом уже было несколько стычек, потому что я не давал ему курить за обедом, опасаясь за мать. Брат злился, но отец был на моей стороне.

Недавнее изобретение Шарля Манту — впрыскивать под кожу туберкулин, чтобы выявить наличие у пациента туберкулёза, давало надежду на более быстрое обнаружение страшной болезни, но, во-первых, где взять туберкулин? А во-вторых, нельзя было и помыслить, чтобы делать такие пробы без лицензии. И на это тоже нужны были деньги…

Чтобы не впасть в депрессию от неразрешимых проблем, я всё-таки занялся литературой. Неожиданно для себя я описал продавца булочек, который держал лавку неподалёку от нашего дома. Он всегда выглядел абсолютно здоровым. Однако стоило уехать его жене к матери в деревню, как через неделю меня посетил жалкий старикашка, в котором я даже не сразу признал знакомого лавочника. Он жаловался на всё сразу, и я заподозрил, что без жены он пьёт беспробудно. Но запаха эля не было, значит, заболевание протекало на нервной почве. Я прописал ему успокоительные капли, но на следующий день он пришёл опять и вновь стал рассказывать про свои боли в голове и во всех частях тела. На третий день повторилось то же. Тогда я решил порасспрашивать его о жене. Это было самое успешное моё лечение после выздоровления Алисы. Лавочник только этого и ждал. Он приходил ещё три раза и всё рассказывал и рассказывал про свою жену. От этого он расцветал на глазах. К моей радости, жена вскоре приехала, и наши беседы прекратились.

Я написал рассказ про лавочника и его любовь к жене. У меня получилось не очень смешно, зато романтично. Перечитывая несколько раз своё произведение, я сомневался, стоит ли его показывать кому-нибудь, но всё-таки решился и отнёс в небольшую газетёнку, которая печатала разные городские истории и сплетни. Редактор, лысоватый, не старый ещё мужчина, с умными, внимательными глазами, в нарукавниках, как бухгалтер, с недоверием взял мой листок, надел пенсне и стал читать. Сердце забилось где-то под кадыком. Я не считал себя гениальным, но если мой рассказ не понравится…

— Мне понравился ваш рассказ, — улыбаясь, произнёс редактор, снимая пенсне, — это ваш первый опыт?

Я молча кивнул, не веря своим ушам.

— Пишите дальше. Слог у вас хороший, да и тема необычная. В основном, все приносят про скандалы, а вы… про любовь. Для нашего брата — обывателя — это необычно, — повторил он.

Редактор газеты не обманул, и вскоре, зайдя в ближайшую книжную лавку, я с бьющимся сердцем купил газету и обнаружил своего первенца. Еле удержавшись, чтобы не похвастаться перед лавочником, я вышел на улицу. Мне страшно захотелось пойти к отцу на фабрику и поделиться с ним. Но, представив его снисходительную реакцию и насмешки старшего брата, я решил показать газету матери, а она расскажет отцу, если захочет.

Радостный, как в день получения диплома, я вернулся домой. Меня уже поджидал Харрис. В последнее время мы вечерами играли в шахматы, и общее дело нас здорово сблизило.

Характер Джона был неконфликтным и ненасмешливым, что делало моё с ним общение безопасным. Единственно, что мне было непонятно, как он мог выбрать жену, сухую, как засохшие листья, забытые в книге? Но, может, именно его добрый нрав всех рисовал ему в хорошем свете…

— Ну где ты ходишь? А что за газета? — набросился он на меня с порога. — О, это то, что я думаю? — взглянув туда, куда я показал, спросил он.

— Не знаю, что ты думаешь, — расставляя шахматы, улыбнулся я, — но это моя первая проба пера.

— Поздравляю! — Харрис отложил газету и, подскочив ко мне, с неожиданной прытью затряс мою руку.

Признаться, я не ожидал от приятеля такой бурной реакции, но это было приятно. Джон оказался отличным парнем, и я уже был и сам рад, что поселился рядом с ним.

— Сыграем одну партию, и я поеду в Сент-Олбанс, — объявил я ему.

— А я завтра, значит, должен скучать в одиночестве? — Харрис втиснулся своим погрузневшим телом в моё бедное продавленное кресло, — хорош друг! А как же твои пациенты? Не прибавилось с тех пор, как ты стал обладателем такой степенной бороды?

— Оставь мою бороду в покое… А ты, Джон, если ты не похудеешь, тоже станешь моим пациентом. Тебе шах…

— Ну, мне-то ты сделаешь скидку? — задумчиво почёсывая подбородок, спросил приятель, не отрываясь взглядом от коня, угрожающего его королю во второй раз.

— Я бы предпочёл тебя не лечить. Кстати, не забудь про Бобби. Если ты мне друг, прогуляйся с ним завтра утром и вечером. Можешь взять с собой Алису, ей тоже полезно. И вообще, я советую тебе и на работу ходить пешком, а то скоро разоришься на костюмах.

— Буду продавать тебе свои старые штаны, а себе покупать новые, — усмехнулся он.

— Я у тебя их в шахматы выиграю… Тебе мат. Всё, я поехал, Джон.

Неохотно простившись, Харрис хотел взять с меня слово, что я вернусь пораньше, но я не мог обещать. У меня был план навестить не только мать, но и увидеться с леди Бриджит.

Последние слова матери про невесёлую жизнь её подруги заставили меня посмотреть на иронию баронессы другими глазами. Не пыталась ли она примириться с судьбой таким образом, иронизируя над всем вокруг? Мне захотелось её поддержать, но считает ли она меня своим другом? Это я и решил выяснить.

Поезд в Сент-Олбанс прибыл уже на закате. Вместе со мной в пятницу вечером ехала целая армия служащих, и один из них, усевшись рядом со мной, всю дорогу поедал сэндвич, начинённый то ли курицей, то ли колбасой с чесноком, то ли одним чесноком. Пока мы ехали, у меня создалось стойкое ощущение, что я ел вместе с ним. Правда, во рту был ужасный запах, а желудок, увы, оставался пустым.

С радостью вдохнув свежий воздух городка, я неспешно побрёл по направлению к аббатству. Будет ли сегодня играть леди Бриджит, я не знал. Но надеялся.

Уже издали я услышал в открытые двери мягкие звуки органа. Народу было немного, и я, никого не тревожа, уселся в последнем ряду.

Орган находился на балконе, и органистки было не видно, но, пожалуй, так даже было лучше. Рассматривая витражи высоких окон собора, игру закатного солнца на позолоте алтаря, я слушал музыку невнимательно. Похоже, Бриджит играла какую-то фугу Баха. Для моего слуха это было тяжеловато. Я любил музыку, но Баха считал слишком сложным, как быструю речь на германском. Чтобы не заскучать, я стал думать, зачем я здесь? Меня волновали неясные предчувствия. Поразмыслив, я понял, что сам влезаю в ловушку. Леди Бриджит — чужая жена, и, даже если предположить, что мы с ней… э-э… подружимся, к чему приведут наши отношения?

Я уже не мог спокойно слушать концерт. Как река при наводнении, музыка ворвалась и вытащила на свет Божий всё, что было спрятано в моей душе — и смутное желание любить, и появившийся интерес к баронессе. Будущее рисовалось неопределённо, зато я определённо хотел видеть эту худенькую женщину…

Прихожане вяло похлопали и начали подниматься со скрипучих деревянных скамеек. Наверху послышался женский мелодичный голос, и я понял, что леди Олденхэм с кем-то разговаривает. Лучше подождать её на улице.

Прохаживаясь туда-сюда, я не переставал смотреть на высокую, старинную дверь собора. Наконец она медленно отворилась и оттуда сначала вышел охранник, а потом показалась тоненькая фигурка баронессы.

— Леди Бриджит, — сипло крикнул я.

Она обернулась. Её глаза смотрели на меня с непонятным выражением. Она рада или нет? Ах, это всё моя борода…

— Мистер Эдвард? Я вас не узнала, да и вообще… не ожидала вас здесь увидеть.

— Я приехал к родителям на выходные, но погода такая чудесная, что решил прогуляться, а заодно послушать вашу игру.

Слишком много слов, — ненавидя своё волнение, подумал я, — что я, школяр, что ли, оправдываться перед ней?

Однако леди Бриджит улыбнулась без обычной иронии и даже немного грустно.

— Тогда предлагаю вам отправиться домой пешком. Вы не против?

Я только молча покачал головой.

Мы шли по вечернему городу. Чистым загородным воздухом дышалось легко, смущало только молчание женщины, державшей меня под руку. Шаг её был лёгким, длинные белые пальцы невесомо покоились на моей руке, но на душе у неё явно было тяжело.

— Вы чем-то расстроены? — наконец откровенно спросил я.

Она подняла голову и устремила свои карие глаза на меня.

— Что вы… нет. С чего вы взяли?

— Ну я же вижу.

Баронесса опустила голову.

— Не обращайте внимания… А впрочем, к чему притворство? Мы ведь можем считаться друзьями?

— Я был бы счастлив, — прохрипел я. Голос явно не хотел меня слушаться.

— В таком случае, буду с вами искренна. Мне не хочется идти домой… Я спрашиваю себя, счастлива я или нет? Я всё время об этом думаю… Когда пять лет назад я выходила замуж, то понимала, что мужья обычно живут своей жизнью, а жёны своей. Но мне хочется большего. Вы понимаете меня?

— Да, понимаю.

Она вздохнула, и мы снова какое-то время шли молча. В другой раз я с удовольствием бы отметил её красоту, изящную походку, тонкую талию и прочие банальности, которые покоряют мужчин, но сегодня мне бросилось в глаза её внутреннее томление, которое заставляло дрожать её голос. Взгляд молодой женщины был рассеянным. Куда летели её мысли? Мне страстно захотелось это узнать.

— Что ж, — я решил спровоцировать собеседницу, — остаётся признать этот мир несовершенным и смириться с этим.

— Что по-вашему значит смириться? — она приостановилась, — не разрешать себе мечтать о счастье, о чём-то более возвышенном, чем то, что нас окружает? Одна моя подруга, — при этих словах она почему-то покраснела и поспешно добавила: — она удачно вышла замуж, но жалуется, что муж не особенно в ней нуждается. Это страшное чувство — равнодушие… Я её понимаю. Знаете, мы с мужем ездили недавно в Шотландию, там такие скалы… Вот стоишь

над пропастью и думаешь, а если я туда упаду, будет ли кто-нибудь плакать? Может, и не будет никто…

— У вас больно мрачные мысли, миледи. Вы здоровы?

Но она меня не слышала и продолжала:

— Как же тогда исполнить своё главное предназначение?

— Какое же? Вы уже знаете своё предназначение? Я вот как раз его ищу…

— Да, знаю… Быть нужной любимому человеку, — прошептала она.

Повинуясь неслышному зову, я взглянул на неё, и слова замерли у меня на губах. Её всегдашняя ирония так и не появилась. Передо мной словно была другая женщина, женщина — друг, которая делится самым сокровенным. У меня перехватило дух.

Леди Бриджит наклонила голову, на мгновение спрятав лицо, потом снова посмотрела на меня и глухо сказала:

— Что-то я разговорилась… Расскажите лучше о себе, мистер Эдвард, какие у вас мечты?

Баронесса навеяла на меня романтические мысли, и я постарался попасть ей в тон.

— Что ж… о том, что я хочу стать писателем — вы уже знаете.

— Да, — не удержавшись, лукаво улыбнулась молодая женщина, — вы не первый врач, который вступает на это поприще. Странно — не находите?

— Чего ж тут странного? — я пожал плечами, — врачи сталкиваются со столькими судьбами, выслушивают столько исповедей, сколько не доводится иному священнику. Внутри всё это копится, копится, а потом хочется поделиться со всем миром забавными историями.

— Ну, это у вас получаются забавные, а вот мистер Конан Дойль совсем не весёлый писатель.

— Да, мне больше по душе Джером. Я даже боюсь, что невольно начну подражать ему. Впрочем, почему начну, — пробормотал я и небрежно продолжил: — уже начал, и меня даже напечатали.

С этими словами я достал из внутреннего кармана пиджака газету и показал ей.

— О, поздравляю, — вглядываясь в строчки, проговорила она, — дадите почитать?

— Берите, я купил несколько экземпляров. Но, боюсь, вам покажется этот рассказ неумелым и смешным.

— Не расстраивайтесь, даже если он ещё неумелый, — мягко произнесла она.

— Постараюсь… Если признавать свои недостатки, то хотя бы есть надежда их исправить. Да и вообще, глупо предполагать, что в этой жизни можно чего-то добиться без проблем.

— Если вас признают писателем, это сделает вас счастливым?

— Как вам сказать… Вообще-то мне нужна не столько слава, сколько возможность вернуться в Сент-Олбанс. Купить дом, как мой отец, и зажить спокойной жизнью. Мой старший брат мечтает стать дельцом и унаследовать дело отца, что у него, скорее всего, и получится. А мне сельская Англия больше по душе, чем любой район Лондона, — со смешком сказал я.

— Зачем же вы уехали отсюда?

— В нашем городке слишком маленькая практика для меня, как врача, — пациентов мало. Здесь жить мне пока не по карману.

— Я тоже не люблю приезжать на городскую квартиру, хотя Олбан иногда зовёт туда пожить. Соглашаюсь при условии, если мы пойдём в Ковент-Гарден на оперу или на какую-нибудь выставку. Это единственное, чего не хватает в нашем городке. Здесь, если бы не моя музыка, можно было бы уснуть. Зато музыка даёт столько эмоций, сколько, пожалуй, не испытаешь за всю жизнь.

— А, по-моему, вы преувеличиваете роль эмоций. Они недолговечны. И, когда они затухают, остаётся пустота, как сейчас.

— Это смотря насколько сильны ваши чувства, — покачала головой леди Бриджит. — Если я радуюсь пустяку, например подарку, пусть даже дорогому, — да, это чувство быстро

испаряется. Но глубокие эмоции или чувства составляют истинное счастье, которого мне не хватает.

— Все так живут, — пожал плечами я.

Мы уже подошли к воротам особняка лорда Олденхэма. В конце дорожки светились окна первого этажа, где располагалась прислуга. Окна хозяев угрюмо смотрели тёмными глазницами на такую же тёмную улицу.

— Вот это и плохо, мистер Эдвард, — грустно произнесла баронесса, заметив унылый вид своего дома, — все так живут, — повторила она, — но я так не хочу.

— А как же вы хотите? Уж не считаете ли вы себя самой несчастной? — я не удержался, чтобы не поддеть мою всегдашнюю насмешницу, — если чувствуете себя несчастной, то плюньте на всех и сделайте так, как считаете правильным. Что для вас важнее? Решите это для себя и успокойтесь. В этом главный секрет счастливой жизни — делать то, что нужно тебе, а не другим.

Я это говорил больше для себя, чем для неё. Глаза баронессы расширились от удивления.

— Что ж… спасибо за совет, мистер Эдвард, — она вдруг весело улыбнулась, — вы придёте на мой день рождения через неделю? Барон устраивает большой бал.

— О, конечно, — поклонился я, — почту за честь, миледи.

— В таком случае, до свидания, — леди Бриджит протянула мне руку, и я галантно поцеловал её.

Внутри меня всё звучала и звучала музыка, но это был уже не Бах, а чарующие песни сирен, которых опасался даже Одиссей. В отличие от героя Эллады, у меня не было друзей, которые бы меня привязали к кораблю, поэтому я ощущал себя почти сумасшедшим, готовым прыгнуть в чёрный глубокий омут.

Глава 5

Через неделю мы всей семьёй встретились в Сент-Олбансе, чтобы идти к барону и баронессе Олденхэм на званый вечер. Отец с Полом приехали из Лондона на авто. И хотя мы жили совсем рядом, всё же пешком идти было неприлично. Мы вчетвером уселись в машину и за две минуты доехали до большого особняка из серого камня, освещённого электрическими фонарями. Наша машина была не единственной. Сегодня сюда съезжались авто с разных концов Сент-Олбанса, а некоторые из самого Лондона.

— Баронесса будет развлекать гостей, а барон не приминёт провести собрание своей партии консерваторов, — со смехом заметил отец.

— Если бы не консерваторы, отец, — ответил Пол, — то Англия не построила бы такого мощного флота. Помяни моё слово, Германия так усилилась, что скоро мы увидим, как это было вовремя.

— Уж не хочешь ли ты, братец, стать политиком? — негромко поинтересовался я, располагаясь рядом с ним на заднем сиденье.

— Почему бы и нет? Но, — он посмотрел на отца, — у меня на это нет времени. Эдвард, а ты не хочешь в парламент? Ой, прости, я в курсе, что у тебя и так много дел.

— Что ты имеешь в виду? — я напрягся, предчувствуя насмешки, и не ошибся.

— Так мало тебе быть врачом, ты ещё и писателем решил заделаться, — сверкнул белыми зубами Пол.

— А мне понравился твой рассказ, Эдвард, — включился в беседу отец, — далеко пойдёшь, — он подмигнул мне в зеркало.

Ободряющая реплика отца явилась для меня приятной неожиданностью. Впрочем, последние два года я стал замечать потепление наших отношений. Я долго думал, что же могло растеплить отца, пока однажды не почувствовал его уважительный взгляд, когда при очередном приступе астмы у матери я сумел быстро его купировать.

— Спасибо, отец, правда, маловато в голове идей.

— Общайся с людьми, путешествуй, и появятся идеи. Только успевай записывать, — бросил отец, припарковываясь недалеко от входа в особняк лорда Олденхэма. — Ну, мы приехали. Прошу, Агата, — подал он руку матери.

Мать напоминала королеву Гертруду — такая же высокая, полноватая, но величественная в своей зрелой красоте. Чёрное кружевное платье, с длинным шлейфом, ей было очень к лицу.

Я вылез из авто и посмотрел на ярко освещённые окна. Они были совсем тёмными в тот день, когда леди Бриджит по-дружески открылась мне. Что же дальше? Как она меня встретит сегодня? — загадывал я.

Июньская ночь была не тёплой и не мягкой. Прохладный ветер заставлял забыть, что по календарю давно наступило лето. Тем уютнее и заманчивее смотрелся освещённый яркими электрическими лампами дом. Он был похож на сказочную пещеру со спрятанными внутри сокровищами, куда был доступ только для избранных.

Все гости были в лёгком, приятном возбуждении. Улыбки, словно бабочки, слетали с губ очаровательных женщин. Поклоны джентльменов, идущих с ними под руку, казались нарочито-спокойными, но я видел, что они весьма довольны собой, своим положением и своим богатством. В глазах рябило от блеска драгоценных камней. Светлые и тёмные шёлковые платья шуршали вокруг, и я, порой, едва удерживал ногу, чтобы не наступить на длинный, цветастый шлейф, скользивший по полу, как змея.

— Мистер Моррис, миссис Моррис, мистер Пол, мистер Эдвард… — приветливо улыбалась хозяйка бала, подавая нам по очереди руку в вишнёвой, натянутой до локтя, перчатке.

Всё на леди Бриджит было тёмно-вишнёвым — и платье до пола, с глубоким декольте, и рубиновое колье, украшающее длинную тонкую шею, и изящные туфельки, и модная шляпка с пёрышком, которое колыхалось от сквозняка. Но самым восхитительным было её лицо — с белой, матовой кожей и с такими же рубиновыми губами, под стать наряду. Мне захотелось задержать глаза баронессы на себе, но она лишь поверхностно скользнула по мне взглядом, дежурно улыбнулась и повернулась к другим гостям.

Внутренне я вздохнул и отошёл в сторону, чтобы ещё полюбоваться ею. Не то чтобы она была совершенством, — её фигура была стройна и гибка, как у гимнастки, а по спине были рассыпаны каштановые локоны, украшавшие спину лучше, чем любое ожерелье, — всё же были женщины с фигурой и получше. На мой взгляд, плечи леди Бриджит были слишком угловатыми, и от бесконечных занятий на фортепиано слегка сутулилась спина. Но всё это было пустяками по сравнению с тем загадочным внутренним миром, которым она обладала. Мне она приоткрылась всего чуть-чуть, и я подозревал, что это была лишь вершина айсберга. Её истинное нутро высвечивалось в эмоциональной, страстной игре на органе. Ценил ли это лорд Олденхэм или он слишком был занят политикой? Я не знал.

В большой зале негромко играл струнный квинтет — время танцев ещё не пришло. Пока было время для разговоров. Гости сбились в небольшие группки и стали оживлённо делиться новостями, словно за те несколько дней или часов, что они не виделись, произошла масса новых событий.

Отец с братом сразу отыскали нужных людей и, увлёкшись деловой беседой, забыли про всё на свете. Я взял шампанского и огляделся, не решив, к какому обществу присоединиться. К счастью, долго думать мне не пришлось — меня окликнул местный врач, перелечивший, наверное, всех присутствующих.

— Эдвард, — помахал мне невысокий, упитанный, седобородый старичок, — идите сюда.

— Мистер Коллинз, рад вас видеть, — вежливо поклонился я.

— Как ваша практика? Чем болеют в Лондоне? Рассказывайте.

Когда-то мы спорили насчёт диагнозов некоторых пациентов, которые пытались лечиться и у него, и у меня, — у него, потому что ему больше доверяли, а у меня, потому что бесплатно. В тот период тон старенького доктора при встрече был довольно сухим. Но после того, как я переехал в Лондон, он снова подобрел и стал называть меня по имени, как в детстве.

— Практика? — я задумался, — неплохо. Я думаю, горожане болели бы меньше, если бы не слушались разных шарлатанов. На прошлой неделе пришёл ко мне один господин. Он купил шоколадные пилюли от расстройства желудка. Я у него спрашиваю: “У вас до этого болел желудок?” Он отвечает — нет. Так зачем же вы купили эти пилюли? Чтобы, говорит, сэкономить на визите к врачу, если заболит. Сэкономили? — уточняю. Молчит. Честное слово, доктор, иногда кажется, что мой пёс умнее многих людей — во всяком случае, он не тащит в пасть всякую дрянь.

Коллинз весело рассмеялся, поглаживая бороду.

— А недавно ко мне пришла молодая женщина, — продолжал я, — представляете, она купила ночные накладки для исправления формы носа и после месяца применения решила уточнить — стоит ли покупать ещё?

— И что же? Её нос был так плох?

— Боюсь, дело не в носе, а в мозгах, — я покачал головой, — у бедняжки по всему лицу пошли прыщи, но ей всё-таки казалось, что горбинка на носу стала меньше. Пришлось объявить ультиматум — либо шарлатанские накладки, либо чистое лицо.

— Понимаю вас, коллега, — отсмеявшись, отвечал старичок. — У нас на площади тоже недавно появилось нечто между передвижным цирком и аптечной распродажей. Смотрю — стоит фургон с надписью *“Лекарства от всего! Скупка-продажа подержанных зонтов, крыси-*

ный яд и другие полезные вещи! Только сегодня и только у нас!" Да ещё какой-то доктор Тикки должен выступить с лекцией. Боюсь, после такой распродажи как бы не было отравлений.

Мы ещё поболтали, насколько это было возможно в увеличивающейся толпе гостей. Приходилось всё время отвлекаться на знакомых и отвечать на дежурные вопросы. Но я ловил себя на том, что постоянно ищу взглядом леди Бриджит. Наконец заиграла танцевальная музыка, и я решительно направился к ней.

Лорд Олденхэм, как мне показалось, с удовольствием разрешил пригласить его супругу, и сам тут же исчез, как в тот вечер, после спектакля. А мы пошли танцевать вальс.

— Как продвигается ваше сочинительство? — сразу спросила леди Бриджит.

В её тоне я услышал лукавство и, увы, прежнюю иронию.

Постаравшись не показать своё подраненное самолюбие, я ответил:

— Нет интересных личностей, баронесса, только про вас и хочется писать.

— О, — в её глазах на миг мелькнуло смятение, но она тут же справилась с собой и спросила прежним шутливым тоном: — а как бы вы меня охарактеризовали, как писатель? Только прошу вас, не говорите банальных комплиментов моей красоте.

— Хорошо, не буду. Я перед вами виноват, — она подняла красивые брови, — помните, в прошлый раз я обидел вас цитатой Шекспира?

— Помню, у вас наготове ещё одна?

— Да, но в ней не про вас, а, скорее, про моё состояние.

— Так прочтите.

— *"Ты утоляешь мой голодный взор, как землю освежительная влага. С тобой веду я бесконечный спор, как со своей сокровищницей скряга…"*

Она весело засмеялась, а мне хотелось продолжать говорить что-нибудь необычное и смешное, чтобы её улыбка приподнимала уголки вишнёвых губ, обнажая белые зубы.

— Жаль, что у меня нет времени послушать ещё стихи в вашем исполнении — столько гостей, нужно каждому уделить внимание.

Она легко вздохнула, и я подумал, что с удовольствием бы прижался ухом к её маленькой грудной клетке и слушал бы Бриджит без стетоскопа…

— Я понимаю, — вымолвил я.

Танец закончился слишком быстро. Однако бал набирал обороты. Я ещё с кем-то танцевал, всё время невольно выискивая взглядом хозяйку бала, и если видел её с кем-то смеющейся, у меня сводило челюсти от досады.

Дотанцевав очередной вальс, я решил положить конец этой пытке. Мне требовалось уединение, чтобы понять, что со мной происходит… Музыка гремела. Лакеи с шампанским уже не ходили степенно, как в начале, а почти бегали. Воздух от дыхания множества лёгких нагрелся и загустел. Захотелось вдохнуть прохладной свежести ночи… Я вышел на открытый балкон в одной из комнат и очутился на теневой, но, пожалуй, более реальной стороне жизни.

Зачем, зачем? — билось у меня в голове, — зачем я позволил себе увлечься ею?

В последние дни только и мысли были о Бриджит… Я понимал, что это путь в никуда. Встречи с ней были сродни морфию, от которого невозможно добровольно отказаться, только если не будет денег на очередную дозу. Да, денег у меня точно не было даже для того, чтобы сводить её в приличный ресторан. Это прозаично, зато отрезвляет, — горько усмехнулся я над собой, — в таком случае лучше уйти, а не продлевать эту пытку.

Вернувшись в иллюзорный мир всеобщего веселья, я стал пробираться к выходу, не прощаясь ни с кем. К большой танцевальной зале примыкало несколько комнат, в одной из которой играли в карты, а в другой была курительная. Проходя по полутёмной комнате, где в глубоких креслах сидела пара-тройка джентльменов, я услышал своё имя и подошёл поближе.

Возле стола, спиной ко мне, сидел высокий мужчина, в котором по голосу я узнал носатого лорда Джеймса Уилби. Рядом с ним прикуривал сигару лорд Олденхэм. Они оба были

так увлечены беседой, что не заметили, как я сел возле маленького столика недалеко от них. Курить мне не хотелось, но нельзя же откровенно подслушивать… Пришлось достать из коробочки, предназначенной для гостей, сигару и закурить. Олденхэм взглянул в мою сторону, но, вероятно, не узнал меня.

— А что тебе мои соседи, Уилби? — рассеянно спросил он, и мне показалось, что его язык слегка заплетается.

— Все эти выскочки из простых торговцев, помешанных на гольфе и авто, изрядно раздражают. Все разговоры только о прибыли, о деньгах. Даже здесь, на балу. Эти… Моррисы, по-моему, забыли, для чего пришли сюда — уже обсуждают очередную сделку…

— Что ты предлагаешь, Джеймс, перестать общаться с ними?

— Да общайся ты с кем хочешь, — усмехнулся надменный аристократ, — просто когда наверх выдвигаются выскочки типа нашего министра внутренних дел Ллойда Джорджа, сына фермера, то ничего хорошего от правительства уже не ждёшь.

— А как вам министр торговли Черчилль? Его род не вызывает сомнений? — раздался голос третьего джентльмена, которого я не сразу заметил в тени портьер у окна.

— Род не вызывает, Портсмут, а вот его экстравагантные идеи типа улучшения жизни рабочим, чтобы якобы империя процветала, — меня пугают.

— А мне симпатичен этот рыжеволосый парень Черчилль, — примирительным тоном заметил лорд Олденхэм.

— Чем же? — вскинул голову Портсмут.

— Тем, что он верит в великое будущее Британии. После неудач в Бурской войне нам такой политик и нужен, а не такой, как ты, Уилби, — писсимист.

— Ладно, может, ты и прав, Олбан, но по поводу этих новых миллионеров я останусь при своём мнении. Слишком много выскочек развелось в Англии в последнее время.

Больше терпеть было нельзя.

— Простите, господа, что вмешиваюсь в вашу беседу, — с едва сдерживаемой яростью начал я, подходя к столу, — проходил мимо курительной и не стал бы вам мешать, если бы не услышал свою фамилию.

— Вы подслушивали? — поворачивая голову и раздувая ноздри и без того большого, мясистого носа, надменно спросил Уилби.

— Нет, милорд, не подслушивал, — садясь в глубокое кресло напротив, нагло и спокойно ответил я, хотя внутри у меня всё дрожало от гнева. — Позвольте ещё раз представиться — Моррис, сын того самого миллионера, которого вы обозвали выскочкой.

— И что вам надо? — лорда Уилби было не смутить.

Его крупный рот изогнулся в презрительную усмешку.

— В принципе, ничего, милорд, — выпуская дым прямо перед собой, ответил я, — только ответить на ваше оскорбление.

— Как же? Может, вызовите меня на дуэль?

— Нет, я не считаю вас ровней себе. Дело в том, что у нас с вами разные понятия о благородстве. Вы меряете его происхождением, а я душевными и деловыми качествами. Мой отец одел не одну британскую семью и прославил наше имя на весь мир. Полагаю, что во многих странах хвалят английское качество благодаря его тканям. Зато такие как вы, со своим пустым снобизмом, не только не приносите никакой славы Англии, а ещё и раскалываете наше общество. Так что вызывать я вас не буду, а просто выражаю вам презрение за слова о нашей семье.

— Вы забываетесь, милейший! — с рёвом поднялся с кресла Уилби, — я это так не оставлю!

Я тоже поднялся.

— Господа, господа, прошу вас, не нужно скандала, — встал между нами лорд Олденхэм, не очень убедительно пытаясь угомонить приятеля, — Моррис, как хозяин дома, я приношу вам свои извинения за всех нас…

— Да не собираюсь я ни перед кем извиняться! — загремел над бароном Уилби.

Портсмут быстро подбежал к выходу, закрыл дверь в курительную и тоже подошёл к нам.

— Брось, старина, — он по-дружески взял за локоть скандалиста, — мистер Моррис оскорбился за отца. Ты должен извиниться.

— Я остаюсь при своём мнении, — с нажимом повторил Уилби, глядя мне в глаза.

— В таком случае, я остаюсь при своём. А ваши извинения, барон, я принимаю. Надеюсь, мы не поссоримся из-за вашего друга.

— Нет, конечно, но всё-таки впредь постарайтесь не подслушивать. Мой друг имеет право на своё мнение, которое не предназначено для посторонних ушей, — холодно и назидательно, как школяру, добавил Олденхэм.

Наша мнимая дружба треснула, как старый пиджак, который натянули на плечи большего размера. Уилби выслушал приятеля и вдогонку бросил мне надменным тоном:

— Моррис, драться мы не будем, но впредь опасайтесь становиться на моём пути. И отцу это же передайте.

Я не ответил и просто вышел из душной комнаты. Что ж… если важные аристократы только притворяются порядочными людьми — тем хуже для них. Может, и леди Бриджит разделяет это мнение, считая нас выскочками? Всего лишь несколько дней назад мне так не казалось. Сейчас я посмотрел на неё другими глазами.

Она была невероятно хороша, особенно, когда кому-то из гостей удавалось её рассмешить. Только, увы, ни её смех, ни её дружеский взор сегодня уже не предназначались для меня. От разочарования и досады на себя, придумавшего несуществующую дружбу между нами, я решил уехать с праздника, где явно был лишним.

Глава 6

После злополучного бала я был настроен решительно выкинуть всю любовную дурь из головы и заняться своими пациентами.

Некоторые важные и богатые особы меня уже приглашали на дом. Я не отказывался и с приятным чувством собственной значимости брал от них почти в десять раз увеличенную плату. В утешение своей совести на обратном пути я заворачивал в рабочие кварталы, где не нужно было специально искать больных. Помощь требовалась в каждом доме, и я обходил семью за семьёй, с ужасом обнаруживая весь медицинский справочник, воплощённый в жизни. Больше всего меня пугал распространявшийся туберкулёз. Необходимо было остановить эпидемию. Но как? Я убеждал самых заразных, кашляющих кровью бедняг, не общаться с соседями. Особенно мне было жаль молодых девушек и женщин, у которых дыхание стеснялось не только болезнью, но и безобразно тесными корсетами. На моё предложение их не носить они реагировали с ужасом.

Вскоре я убедился в тщетности своих усилий заставить больных соблюдать карантин. Не в силах бороться в одиночку, я решил поместить хоть кого-нибудь в больницу.

В одно погожее утро я отменил до обеда свой приём и отправился в ближайшую больницу святого Варфоломея, где бесплатно лечили бедняков. Вот только возьмут ли туда с туберкулёзом? В этом я был неуверен. Но было одно обстоятельство, вселяющее в меня надежду — я слышал, что в ней врачует мой однокашник Майкл Вернон. С Майклом у нас были схожие взгляды на науку и жадный интерес к новейшим открытиям в медицине. Тайно я надеялся, что мне удастся уговорить его внедрить пробу на туберкулёз Шарля Манту. Отделив больных уже с точным диагнозом от остальных, можно было остановить эпидемию.

Старинная трёхэтажная больница выглядела не лучшим образом: серая краска на здании давно облупилась, ступени высокого крыльца напоминали раскрошенные зубы, которым не хватает кальция, а дверь скрипнула так, будто я зашёл в замок с привидениями. Но, помня, что здесь лечат бесплатно, я вступил внутрь с тёплым чувством в груди.

В холле и на широкой лестнице никого не было, лишь наверху слышались неясные голоса, гулявшие под гулкими сводами в виде небольшого эха. Я быстро поднялся и стал искать хоть кого-нибудь из медперсонала, чтобы узнать про Вернона.

— Доктор Вернон? Он на обходе, — сообщил проходивший мимо санитар со склянками в руках, — во-он в том крыле…

Я поспешил в нужном направлении, с радостью всё явственнее различая знакомые живые интонации однокашника.

Увидев меня в дверях палаты, он на миг замер, потом смешно моргнул мне обоими глазами (Вернон никогда не умел подмигивать) и вновь продолжил осматривать больного, лежащего перед ним.

Я вышел в коридор и стал ждать Майкла. Когда тот наконец освободился, первое удивление его уже прошло, и мы поздоровались спокойно, будто расстались только вчера. Поговорив о погоде и прочей дребедени, мы дошли до его кабинета и я наконец осторожно изложил свою просьбу поместить в больницу двух туберкулёзных больных. Впрочем, надежды у меня уже было мало, потому что, как я успел заметить, все койки в палатах были заняты. Однако Вернон оживился.

— Двоих? А ты уверен, Эдвард, что у них точно туберкулёз, а не простое воспаление?

— Уверен, — нахмурился я и добавил с досадой: — эти голубчики уже всю семью заразили.

— Ну хорошо, — Вернон задумчиво забарабанил пальцами по столу, — жаль, конечно, что у нас нет ещё рентгеновского аппарата, но попечители больницы вскоре обещали поставить… А пока ставим диагноз по-старинке.

— А ты слышал про новую пробу Шарля Манту?

— Слышал. Ты доверяешь французу?

— Я много изучал опыты его и его последователей. Поверь, Вернон, это надёжное средство. Говорят, туберкулин под кожей сразу вспухает, если человек уже болен или просто заражён. А вот у здоровых никакой реакции нет. Единственное условие — пробу нельзя мочить.

— Да, да, знаю… Приводи своих больных, — с неожиданным энтузиазмом, блестя глазами, закивал Вернон.

Его пыл меня удивил и насторожил.

— Ты нашёл для лечения туберкулёза какое-то средство?

Рот приятеля беззвучно открылся, потом закрылся. Майкл засуетился, зашарив руками по столу, приподнимая бумажки, потом полез в ящик стола. Я ждал. Наконец он выпрямился и протянул мне исписанную тетрадь.

— Смотри, вот на этой странице я вёл учёт туберкулёзников.

— Ого, семеро из двенадцати выздоровели? У них была лёгкая форма?

— Нет, они были уже при смерти, иначе я бы не посмел ставить над ними эксперименты. Но я открыто сказал, что им жить осталось недолго, и предложил испробовать одно средство.

— Какое же?

— Помнишь, я ещё в Кембридже увлекался гомеопатией? Так вот… мне бросилось в глаза, что сопутствующие признаки туберкулёза сродни малярийным. А её уже давно лечат…

— Хиной.

— Да, но я, конечно, развёл её в самых маленьких дозах и вот… как видишь — результат отличный.

Он сиял. Мною овладело смешанное чувство. Я не верил в гомеопатию, но не мог не верить результатам лечения приятеля. Вернон ещё в университете славился редкой честностью. Он не мог соврать даже тогда, когда ему это было выгодно.

— Что ж… — хмыкнул я, — так как лекарства всё равно нет, а морской воздух и покой я предоставить своим больным не могу, то… попробуй. Единственное условие — ты их предупредишь о своём эксперименте.

Майкл радостно закивал.

— Постой здесь, я пойду узнаю, кого завтра выписывают, чтобы ты уже привёз их на приготовленные места.

Он ушёл, а я устало опустился на стул. С улицы неслись звуки авто, сливаясь гудками, как фальшивый оркестр. Иногда автомобиль проезжал совсем рядом, и тогда начинали дребезжать плохо вставленные оконные стекла. К их дрожанию присоединялась тонкая дверь, ведущая в соседнюю комнатку. Оттуда слышались какие-то всхлипы, короткие, нежно-вопросительные женские смешки и глухой бубнёж низкого мужского голоса. После очередной тряски автомобиля малословный разговор прекратился и хлипкая дверь вдруг беззвучно приоткрылась… Я невольно взглянул в ту сторону и увидел, что в глубине маленькой комнатки, на оттоманке, сидела парочка и целовалась. Моё впечатлительное сердце тревожно бухнуло. Я не мог оторвать взгляд от хорошенькой санитарки, у которой из-под косынки выпали такие же каштановые кудряшки, как у Бриджит…

Чёрт, чёрт, чёрт… Я вскочил и выбежал в коридор. Столько дней я боролся с воспоминаниями о ней, а теперь мне словно впрыснули новую порцию сладкого яда.

— Эдди, я договорился, — объявил подошедший Вернон, — привози больных завтра, их положат в седьмую палату.

Я смотрел на него, с трудом вспоминая, о чём он толкует — мне уже было не до несчастных туберкулёзников. Болезнь, под названием любовь, распространялась по моим внутренностям, заставляя ныть сердце и кружиться голове.

В последующие дни я принимал больных до поздней ночи и ездил к пациентам, не давая себе продыху, как жадный скряга, но ничего не мог поделать с собой наедине.

Меня неотступно преследовал образ леди Бриджит. В ночной тиши каждый шорох напоминал её лёгкие шаги. Каждый услышанный далёкий мелодичный смех женщины заставлял замирать и слушать, не она ли это? Каждый протяжный звук паровоза, летевший с вокзала, звал меня поехать в Сент-Олбанс. Я метался, как барс по клетке, споря сам с собой, стоит ли уступить своему желанию или постараться побороть его?

Тем временем лето пришло и в наш сырой город, выгнав из Лондона многих горожан. У меня сократилось количество пациентов. Даже Харрисы решили пересидеть жаркую пору в небольшом городке, где родилась миссис Лилиан. Алиса в восторге от будущей поездки бегала по дому. За ней носился Бобби, думая, что это игра. Я старался не обращать внимания на крики кухарки и миссис Харрис, которая ругалась то ли на девочку, то ли на моего пса, то ли на обоих.

Когда дом опустел, а пациентов осталось так мало, что можно было всех принять в первую половину дня, я заключил сделку со своей совестью — всё-таки съездить на концерт леди Бриджит, но при этом не показываться ей на глаза.

Когда я сошёл с поезда в Сент-Олбансе, первое, что увидел — это небо. Бескрайнее, всё в облаках, перистых, кучевых, разных… Их хотелось разглядывать и дышать, дышать, наслаждаясь простором, которого так не хватало в Лондоне. Мои сомнения окончательно растворились в тёплом и душистом воздухе с дурманящим запахом роз и ещё, Бог знает, каких растений. Всё вокруг цвело с пышной летней щедростью, и чувство в моей душе расцветало вместе с природой.

Я не опоздал. Прибавив шагу, я зашёл в собор как раз в тот момент, когда сверху полилась музыка. Густые аккорды, быстрые пассажи, трели и что-то ещё, словно ливень, затопили весь храм, и мне показалось, что я утонул в них.

“Снова Бах”, — ворчал я, безрезультатно пытаясь ухватить хвост хоть одной мелодии. В конце концов, у меня загудело в ушах и я зароптал на баронессу, что она, видимо, кроме Баха никого другого и не знает. Втайне я понимал, что виноват не талантливый германец, и не Бриджит, а я сам — у меня не было слуха, и я не старался его развивать даже в Кембридже, где мне изрядно доставалось насмешек от товарищей за мою тугоухость.

Не дождавшись окончания концерта, я вышел из собора и спрятался за цветущую акацию, зарываясь в её густые ветви. Леди Бриджит вышла последней и села в авто. Я проводил её фигурку глазами и тоже поймал таксомотор, чтобы ехать обратно на вокзал. Мне не хотелось видеть ни мать, ни отца, никого, а только побыть наедине со своими шальными мыслями и романтическими мечтами.

Подобные поездки в Сент-Олбанс стали нужны мне как воздух. Я жил в ожидании концерта, и моя жизнь приобрела волшебный, тайный смысл. Иногда я видел, как баронесса шла пешком домой в сопровождении матери, и тогда я провожал их на некотором расстоянии, как шпион, а потом на последнем поезде возвращался в Лондон. Порой за ней приезжал лорд Олденхэм, и мне приходилось уходить раньше, чтобы не попасться им на глаза.

— Куда ты всё время ездишь? — допытывался Харрис за очередной партией в шахматы. Он отвёз семью и, отдохнув недельку, разделил со мной холостяцкую жизнь. — У тебя появилась невеста? В Сент-Олбансе?

— Н-нет, не невеста, она замужем, — мялся я, не глядя на него, — я просто езжу в собор на службу, где она бывает.

— Зачем тебе замужняя? — Джон впервые поднял голову от доски и впился в меня взглядом.

Его удивление разозлило меня.

— Твоё какое дело? — буркнул я, — это моя жизнь, мне и решать, что делать.

— Так-то так, — протянул он, сверля меня голубыми глазами, — но ты же можешь испортить ей жизнь. А если она влюбится и захочет развестись, ты сможешь её содержать?

— Отстань, Джон, — вспылил я, — она не влюбится. Я не собираюсь ей признаваться в любви… Впрочем, мне нужно всё хорошо обдумать. Но, честно говоря, нет сил отказаться от неё. Я уже отказался от интересной профессии, — с внезапной горечью добавил я.

— От хирургии? Кстати, ты сам отказался или тебя отговорили?

Я помолчал, уже жалея, что затронул ещё одну больную тему.

— Сам. Профессор Лившиц наоборот меня уговаривал, а я подумал, что придётся работать в больнице за гроши, а значит, либо брать деньги у отца, либо жить в нищете. И то, и другое одинаково неприятно.

— Н-да… — Джон почесал голову, — а причём здесь твоя зазноба?

— При том, что я опять перед выбором — либо сломать себя, либо… идти против правил. Понимаешь, мне нужна именно она — умная, глубокая, хрупкая и какая-то беззащитная, что ли… Я не могу объяснить, но мне словно хочется защищать её.

— От кого? От мужа? — ухмыльнулся приятель.

— А хоть бы и от мужа, — огрызнулся я, вернувшись с небес на землю, — но… я ещё ничего не решил.

Харрис только молча покачал головой, а на следующий день я вновь поехал на странное свидание, где любимая женщина общалась со мной посредством господина Баха.

Через некоторое время, неожиданно для меня, прелюдии и сюиты стали понятнее, а может, леди Бриджит выбирала более прозрачные и мелодичные произведения. Протяжная мелодия на выдержанных басах проникала внутрь, словно длинная игла, царапая и заставляя ныть моё сердце. В этот момент я страстно желал, чтобы Бриджит всё-таки увидела меня, что-нибудь сказала, улыбнулась. Но я был внизу, а она… парила где-то высоко…

Когда спокойная мелодия сменилась очередной звуковой бурей, мне пришло в голову, что господин Бах явно воображал Бога не “тихим ветром”, а всесокрушающей стихией, которую невозможно укротить. Было и ещё одно, необычное свойство Бога, которым, вероятно, восхищался Бах, пытаясь подражать Творцу — это бесконечность. Мои уши теперь улавливали перебежки мелодии из одного голоса в другой, переплетавшиеся в тугую, накрахмаленную до хруста, ткань, и, в конце концов, как апофеоз, сливавшиеся в гармоничные, сочные аккорды. Всё это длилось и длилось без конца… Я силился вспомнить, что мне это напоминало. И наконец вспомнил — море.

Когда-то давным-давно мы плыли с отцом на маленьком пароходике к дальним родственникам в Шотландию. Я впервые оказался на море и не мог уйти с палубы. Меня не пугал ни пронизывающий ветер, ни брызги пенистых волн, не трогал моросящий дождь. Водная стихия, такая могучая, страстная в своём волнении, восхищала меня. Волны, как мотивы Баха, набрасывались одна на другую, рождая пенящийся барашек. Иногда они успокаивались, потом, уступая налетевшему ветру, поднимались снова и снова, покачивая наш пароходик. Вечером, когда настырный ветер всё-таки прорвал серые тучи, в рваные окна выглянули звёзды и с любопытством зависли над нами.

А наутро я заметил маленьких птичек, летающих над острой чёрной скалой, к которой мы приближались. Одна из птичек села на воду и подплыла к нашему пароходу совсем близко. Бело-чёрное оперенье, красная капелька на клювике, но главное — удивительно тоненький длинный хвостик, загнутый вверх в виде изящного завитка, отличали её от всех ранее мною виденных птиц и врезался мне в память. Более всего удивляло, как она преспокойно плавала, не опасаясь высоких волн.

— Кто это? — спросил я отца, перекрикивая ветер.

Тот недоумённо пожал плечами и стал смотреть на неё в бинокль. Ответил мне кто-то из матросов, разбиравший рядом со мной большую, остро пахнувшую рыбой, сеть.

— Это морянка, морская утка, сэр. Она на суше почти не бывает, всё с нами плавает.

— А что же она ест?

— О, она ныряет так глубоко, что со дна достанет хоть морскую звезду. Что найдёт, тем и питается, — подмигнул мне усатый матрос.

Длинный хвостик в виде вензеля, оперенье цвета шахматной доски и морская звезда на обед… Ну и птица…

Леди Бриджит, с её мятежной душой, проявлявшейся в бурной игре на органе, напомнила мне ту самую птичку, бесстрашно плавающую среди волн. Морянка не любила берег, а любила морской бескрайний простор. Почему-то мне казалось, что Бриджит тоже не терпит обыденности и скуки и жаждет приключений. О, если бы это было так, и ей бы понадобилась моя помощь, то ради неё я бы всё бросил…

В тот день, торопясь на поезд в Лондон, я мысленно ещё находился на своей любимой скрипучей лавке в конце собора, и в моих ушах всё звучала и звучала музыка великого немца. Леди Бриджит я увидел лишь на короткое мгновение, потому что за ней заехал муж. Но мне показалось, она меня заметила — перед тем, как сесть в авто, она всё оглядывалась и тянула время, поглядывая на старую акацию, за которой я обыкновенно скрывался. Лорд Олденхэм ей что-то внушал, показывая на аббатство, она рассеянно кивала, но я видел, что мысли её были далеко. Сердце моё стучало, как бешеное. Я боялся выглянуть из-за толстого дерева. И вышел только тогда, когда услышал звук отъезжающего авто.

И глупо, и смешно прятаться как мальчишка, но у меня не было другого выхода. Я не хотел сплетен, не хотел вопросов, не хотел открывать никому свои чувства. Никому, кроме неё… Сегодня, если бы она была одна, я бы подошёл и, наверное, признался бы ей в своих чувствах. Но вынужденная отсрочка моего откровения заставила меня очнуться, и в поезде я попытался представить свои дальнейшие действия в случае, если я замечу в её глазах ответные чувства, и при её решительном отказе.

А если она обдаст меня холодом? — терзался я, — тогда уеду куда-нибудь в дальние края, чтобы забыть её. В конце концов, — подсказывал здравый смысл, — найдётся ей замена. Но здравый смысл сейчас у меня был не в почёте, поэтому я послушался сердце, шепнувшее: “Не сдавайся”. От такого совета мне стало повеселее, и я в отличном настроении вернулся в свою убогую квартирку в Лондоне.

Дома меня ждал несчастный, уже изрядно заскучавший Бобби. Он так ласково и жалостливо скулил, облизывал моё лицо и руки, что мне стало стыдно за постоянные отлучки.

— Ну же, дружочек, не скули. Обещаю, что постараюсь поменьше тебя оставлять одного.

Бобби как будто понял и, получив в утешение сытную мясную косточку, весело замахал хвостом. Утром же случился приятный сюрприз.

Харрис, по обыкновению, переливавший из кастрюльки в ковшик, а из него в кружку свой чай, между делом сообщил мне новость:

— Сегодня нам проведут телефон. Если будешь платить за него половину, можешь пользоваться, — пробуя остывший напиток, довольно улыбнулся он.

— О, это же просто здорово! Во сколько приедут мастеровые?

— В этом-то всё и дело, Эдди, вечером. Но меня не будет. Отец попросил задержаться в банке. Ты сможешь проследить за рабочими?

Я колебался. Мне не терпелось ещё раз увидиться с леди Бриджит, а сегодня, я знал, у неё намечалась большая программа.

— Ну хорошо, — решил я не отказывать другу в такой малости, — прослежу. А потом сразу позвоню матери.

— Да хоть отцу, — хмыкнул Джон.

— Отличная мысль. Можно и отцу, — кивнул я.

Пациентов у меня было всего три человека, и после приёма мы с Бобби отправились гулять по городу. В отличие от Сент-Олбанса, в Лондоне было совсем неспокойно.

То в маленьком сквере, то в большом парке, рядом с Темзой, гремели митинги рабочих. Только что был жестоко подавлен бунт в Ирландии, желающей отделиться. Но и в Англии жизнь слишком многих была тяжела. Митинги против правительства перерастали в стихийные демонстрации, и мы с Бобби пару раз чуть не оказались на пути разнузданной толпы, крушащей авто и магазины от злости на лордов.

Правительство же не оставалось в долгу. Демонстрации разгонялись железной рукой. Суфражистки, которых клеймил позором сам король, помещались в тюрьму, а с газет звучала имперская риторика, грозившая бедами всем, кто посмеет посягнуть на великую империю.

“Не все благополучно в Датском королевстве”, — только и цитировал я Шекспира, глядя издалека на очередную уличную потасовку, и тем сильнее мечтал жить в Сент-Олбансе.

Вечером пришли рабочие, и, натоптав грубыми башмаками по всей квартире, установили телефонный аппарат. Без всякого трепета перед благами цивилизации я тут же набрал номер отчего дома. К телефону подошёл Томас. Выдержка у него была железная, как будто я телефонировал каждый день.

— Вам матушку? — уточнил слуга.

— Да, Томас, она дома? Всё в порядке?

— Дома, сэр, всё в порядке. Сейчас позову.

Я услышал его неспешные шаги, ничуть не прибавившие скорости, и чертыхнулся. Меня уже разбирало нетерпение. Пока я ждал, мне пришло в голову заехать домой, оставить там Бобби и пойти на службу. Да, это отличный выход. Но… матушка разбила все мои планы.

— Эдвард, — взволнованно и тяжело дыша заговорила она, — хорошо, что ты позвонил. Приезжай скорее. Мне нужно отправиться в Грецию, и отец желает, чтобы ты поехал со мной.

— А что за срочность? — опешил я.

— Мой брат тяжело болен, и я бы хотела его повидать перед смертью. Ты сможешь освободиться от пациентов?

— Смогу, — едва подавив вздох, пообещал я. — А когда ты хочешь ехать? Не завтра, надеюсь?

— Нет, отец ещё не взял билеты на пароход. Но буквально на днях поплывём.

— Хорошо, я завтра приеду. Только одно условие…

— Какое? — удивилась мать.

— Я возьму в поездку Бобби.

— Бери кого хочешь.

Если бы можно было взять, кого я хочу, то это уже было бы свадебное путешествие, — промелькнуло у меня в голове. Но вслух я, конечно, этого не сказал.

Вечером я не находил себе места. У меня не было свободных средств, чтобы идти в ресторан, и я пошёл в обыкновенный паб. В воздухе стояла духота, как перед грозой, и захотелось выпить прохладного пива. На мой неискушённый взгляд паб был вполне приличным, но, сидя за засаленным столом, я ясно осознал, что моё социальное положение несоизмеримо с обществом Бриджит. Как и в соборе, где я сижу внизу, а она наверху, так и в жизни она парит так высоко, что почти не видна мне.

Пиво нисколько не утешило меня. Я решил прогуляться по центру города, освещённому рекламами больше, чем фонарями. Это был совсем не тот город, что мы видели с Бобби днём. Все работяги давно спали, зато не спали те, кому не нужно вставать по заводскому гудку. Из ресторанов и кафе широкой рекой лилось звучное, манящее, знойное танго. В нынешний год аргентинский танец сопровождал любое торжество. Со всех сторон слышалась песня *“Ты заставил меня танцевать танго. Я не хотела этого делать”*. Танго перевернуло представ-

ление лондонцев о приличных бальных танцах. Вальс был уже не в моде. Мужчины были в восторге от женских платьев, с длинным разрезом, освобождающим изящную женскую ножку для танго. Я тоже любил смотреть на хорошо танцующие пары, но сам и не пытался учиться. Хорошо, что в Кембридже я хоть научился танцевать вальс. На большее я был не способен.

Глядя на весёлые, красивые парочки, выходившие и входившие в заведения, манящие и музыкой, и аппетитными запахами, я внушал себе, что эта праздная, весёлая жизнь не для меня, но в глубине души мне было досадно, что я даже не могу пригласить Бриджит в ресторан. И не из-за того, что не умел танцевать, а из-за отсутствия свободных денег.

Дождливые низкие тучи нависли над городом. Я поспешил домой. Не зажигая свет, я уселся у окна. Сначала сухо зашуршали стриженые кусты возле дома. Потом по деревянным ступенями крыльца застучали капли, будто дождь просился в гости, а уж после, когда понял, что ему не откроют, забарабанил в окно. Ощущая приятную защищённость от мокрого полуночника, я с удовольствием наблюдал, как он придаёт улице влажный блеск, словно художник, решивший подновить картину. Старый фонарный столб, с облупившейся краской, выглядел чёрно-блестящим, как и авто, проезжавшие мимо моего дома. Однако вскоре дождь усилился, будто наверху открыли кран пошире, и окно заволокло тревожной струящейся пеленой, закрывшей последний свет с улицы.

В полной темноте мысли сразу набросились на меня и в первый момент повергли в уныние. Я нервно заходил по комнате.

Чего я жду от жизни? От этого вопроса моя душа томилась, искала простой ответ. Но я понимал, что простого ответа быть не может. Наивная мечта о необыкновенном счастье, не таком, как у всех, грела меня днём, когда я надеялся на встречу с прекрасной женщиной, а сейчас, ночью, она казалась ребячеством. Но чем больше я ругал себя за несбыточные планы, тем горше становилось на душе. Какой-то внутренний голос шептал не сдаваться, а пытаться найти свою дорогу. Что же для этого нужно? — как человек, любящий конкретные действия, спросил себя я, — может, деньги? Да, наверное… Однако, поразмыслив, я понял, что более всего нужна смелость. Я вспомнил, как поругался с Уилби. Сердце тогда билось невыносимо сильно и быстро, как у зайца. Это была моя первая стычка с сильными мира сего. Последняя ли? Если я захочу увести у Олденхэма его жену, мне нужно приготовиться к бою, и, может, не к одному.

Глава 7

К моему удивлению, на следующий день возле дома я увидел отцовское авто. Машины Пола, счастливым обладателем которой он стал совсем недавно, не было, и этому я тоже втайне обрадовался.

Ужин получился семейным. Отец с удовольствием накладывал себе кусочки ароматного пудинга с мясом и почками и хвалил кухарку. Я старался не отставать от него, ощущая большую разницу между домашней кухаркой и миссис Ленц, которая по-прежнему утомляла меня глупыми разговорами, но не радовала разнообразием в еде.

Родители, видно, обсуждали поездку матери до ужина, потому что отец обратился к ней с уточняющим вопросом:

— Так ты решилась всё-таки?

Задержав на его лице взгляд своих чёрных крупных глаз, мать положила вилку и кивнула, еле слышно вздохнув.

— Да, поеду, Генри, я и так уже давно откладывала. Нужно навестить родных. Брат совсем плох. Хоть бы застать его живым… Да и племянников, боюсь, я не узнаю — столько лет не была. Жаль, что ты не хочешь ехать со мной.

— Я хочу, но не могу, ты же знаешь, сколько у меня дел, — нахмурился отец, — кстати, твоей Греции ещё повезло, что Британия помогла ей выгнать турков из Фессалоников.

— Да, жаль мои родители не дождались этого счастливого момента, — вздохнула мать.

— Отец, не волнуйся, я поеду с матерью.

Отец смерил меня внимательным взглядом и устало улыбнулся.

— Ну вот и отлично, Эдди, а то бы меня замучило беспокойство — не решит ли моя жена променять ветреную Англию на свою солнечную Грецию. Я оплачу тебе дорогу и дам вам денег с собой, чтобы вы ни в чём не нуждались. Как я понимаю, клиентов у тебя сейчас не много.

— Не много, отец, но на жизнь хватает.

Я не терпел жалости, поэтому не стал распространяться, что половина горожан уехала из Лондона. Впрочем, в душе я был доволен таким поворотом — денег теперь занимать не нужно.

— Ну вот и отлично, но расходы на вашу поездку я беру на себя.

— Всё-таки жаль, что ты не едешь с нами, — повторила мать.

Отец вытер белоснежной салфеткой свои рыжие усы и чуть раздражённо ответил:

— Агата, ты же слышала, что Пол сообщил мне сегодня по телефону — правительство намерено сделать нам заказ. Будем шить тренчкоты для военных. Нужно ехать на фабрику. Надеюсь, сделка не сорвётся.

В этот момент я заметил, что вид у отца был совсем не радостный. Его руки теребили то салфетку, то хлеб, так что он совсем раскрошился. Отцу явно хотелось остаться одному, чтобы что-то обдумать. Однако мать ничего не замечала, а может, наоборот, замечала и хотела его отвлечь.

— Что это за тренчкоты, Генри?

Отец посмотрел на неё непонимающим взглядом, потом очнулся и объяснил:

— Траншейные плащи. Защищают и от грязи, и от дождя. Думаю, наши офицеры оценят, когда придёт время.

— Милый, ты хочешь сказать, — мать задышала чаще, — что война с Германией неизбежна?

— Всё может быть, дорогая, и если уж вам обязательно нужно ехать, то лучше сейчас, потому что неизвестно, что будет через год. Германия набирает обороты и уже создала такой флот, который вот-вот сравняется с нашим. Дело явно идёт к конфликту. Но не будем раньше

времени расстраиваться. Как говорится, подожди и увидишь. Слушай, Эдди, — обратился ко мне отец, — а с кем ты собираешься оставить собаку? С Томасом?

— Ни с кем, — невозмутимо ответил я, — Бобби я никому не доверю, он поедет с нами.

— А матери не вредна собачья шерсть?

— У Бобби не шерсть, отец, а волосы, поэтому ей не повредит его компания.

— Ну-ну, тебе видней, — беря газету и уже ныряя в новости с головой, завершил он разговор.

Меня иногда посещало смутное беспокойство, а не навредит ли отцу моя ссора с лордом Уилби? Известие о предстоящем заказе, которого отец так ждал, снова встревожило меня. После ужина я зашёл к нему в кабинет.

Отец сидел не за столом, как обычно, а в кресле с газетой в руках, но не читал, а держал свёрнутой, будто не решаясь развернуть.

— Эдди, ты что-то хотел? — уставшим голосом спросил он.

Я вгляделся в его немолодое лицо. Отцу уже было за шестьдесят, но он всегда молодился, коротко стригся, даже тайком подкрашивал седину. Мы с матерью делали вид, что ничего не замечаем. Но в последнее время он как будто махнул на себя рукой. Почти вся голова побелела, лишь рыжие усы ещё держались.

— Я хотел спросить, — немного помедлив, начал я, — во-первых, здоров ли ты? Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо выучить сына на врача, — улыбнулся он, показав желтоватые, но ровные зубы, — можно хоть на этом сэкономить. Здоров, здоров… А что во вторых?

Отец старался вести себя как обычно, но его глаз задёргался от тика. Он дотронулся пальцем до века и попытался удержать его. Однако, как только отпустил, глаз задёргался снова.

— Подожди “во-вторых”… Ты не ответил мне на “во-первых”, отец. Откуда у тебя тик? — нахмурился я.

— Не обращай внимания, Эдди, ты же знаешь, как иметь дело с нашим правительством. То обещают заказ, а потом… бац… кто-нибудь его перехватит по протекции какой-нибудь шишки в парламенте, а я вместо прибыли ещё в убытке останусь. Вот и сейчас… Я слишком много поставил на эти тренчкоты.

— Папа, я хотел тебя предупредить… Может, это не повлияет на твою сделку, а может, и повлияет, — тихо закончил я.

Зрачки отца расширились.

— Что такое? О чём ты говоришь?

— Понимаешь, на балу у лорда Олденхэма…

— На последнем?

Я кивнул.

— Да… я столкнулся с его гостем — лордом Уилби.

— С этим носатым великаном?

— С ним. Он начал в курительной говорить гадости про нашу семью, а я не вытерпел и ответил ему.

Отец дрожащей рукой налил себе в стакан воды и выпил. Я молчал.

— Что он говорил? — хриплым голосом спросил отец.

Нехотя я всё рассказал. Пока я говорил, отец барабанил пальцами по широкому подлокотнику старинного кресла. По мере моего рассказа лицо его краснело, так что я засомневался, стоит ли передавать последнее послание Уилби.

— И чем всё закончилось?

— Он посоветовал не вставать у него на пути, — выдавил я.

Отец бросил газету на столик и резко встал.

— Эдвард, тебе что, пятнадцать лет? Как можно не понимать последствий своих слов?

Его глазной тик усилился. Мне стало страшно, как бы отца не хватил удар.

— Папа, выпей успокоительное…

— Да зачем мне твоё успокоительное, если меня это не успокоит? — отец зашагал по кабинету, постукивая кулаком по каждому столику, встречавшемуся у него на пути, хотя я подозревал, что он с большей охотой постучал бы у меня по голове. — Я-то гадаю, почему задержка? А здесь вон оно что… Как ты меня подвёл, — прошептал он, садясь за стол. Он снова посмотрел на меня: — если ты будешь придавать так много значения словам сильным мира сего, то не сможешь ничего добиться в жизни. Тебя кто-нибудь оскорбит, а ты и бросишь своё дело. Это глупо! Сколько я претерпел этих унижений и оскорблений…

— Вот как? — воскликнул я, чувствуя, что бледнею, — ты считаешь это своей заслугой? Я поэтому и не захотел идти твоей дорогой, потому что не желаю унижаться. Зачем нужны деньги, если всё равно ощущаешь себя ничтожеством?

— Деньги дают независимость и свободу, мой дорогой! Богатый может всё или почти всё, но твоя гордость приведёт тебя к нищете. А пока за оскорбления, которые ты бросаешь таким влиятельным особам, буду отвечать я.

— А ты бы разве смолчал, если бы при тебе сказали бы такое?

— Если бы мне сказали в лицо, то, может, и не смолчал, а если бы подслушал, то просто ушёл бы и всё. Это их дела! — он почти кричал мне в лицо. — Может, ты ещё в окна будешь подсматривать, как благородный барон бьёт свою баронессу?

Я отшатнулся. В моей голове раздался звон, будто где-то рядом ударили в колокол.

— Как бьёт? — ошеломлённо повторил я, потирая виски.

— А вот так… Напьётся и бьёт, потому что она смеет запрещать ему посещать публичные дома со своим дружком Уилби. Да ещё и наследника не рожает! Может, в спальню к ним залезешь и вызовешь его на дуэль?

Я молчал. Нужно было срочно успокоить отца, пока его не хватил удар. Быстро выйдя из кабинета, я побежал за каплями. Вернувшись, я застал его говорящим по телефонному аппарату. Он увидел рюмку с лекарством и отмахнулся, но я не ушёл и после разговора настойчиво подвинул к нему рюмку. Отец хотел отказаться, но сдался и выпил залпом.

— Лекарство он мне суёт… Лучше бы извинился перед Уилби, тогда бы у меня точно всё прошло.

— Извиняться мне не за что, — угрюмо-упрямо ответил я, — таких нужно укорачивать.

Отец вздохнул и посмотрел в окно, в котором чернела летняя ночь.

— Ладно, будем надеяться, что Уилби забудет или не воспримет тебя всерьёз.

Мне было обидно это слышать, но я не стал спорить. Пожелав спокойной ночи, я ушёл в свою комнату, думая про то, что я узнал про семейную жизнь Бриджит. Бить любимую женщину — это не укладывалось у меня в голове.

— Так вот от кого мне хочется тебя защищать, — прошептал я, засыпая.

Только примет ли Бриджит мою помощь и мою любовь? Ни в том, ни в другом я не был уверен.

На следующий день я не находил себе места. Мне хотелось избавиться от мучившего меня беспокойства за Бриджит, но для этого нужно было увидеть её и поговорить хоть минутку… Неожиданно на помощь пришла мать. После завтрака она позвала меня к себе в комнату и спросила:

— Эдди, ты проводишь меня в аббатство сегодня вечером? Я бы хотела попрощаться с леди Бриджит перед отъездом.

Задохнувшись от такой удачи, я постарался не выдать себя и ответил невозмутимо:

— Конечно, провожу. Нужно только Томаса попросить с Бобби погулять. Как он, не болеет?

— Кто? Томас или твой Бобби?

— За собакой я слежу, а за Томасом нет, поэтому и спрашиваю, — усмехнулся я.

— Томас в порядке… Кстати, Эдди, ты возьмёшь с собой лекарства? Тебе не нужно ехать за ними в город?

— Не нужно, успокойся, к тебе я не езжу без своего чемоданчика. Давай-ка я тебя послушаю…

Я уже давно заметил, что мои простые процедуры, как врача, действовали на мать успокоительно. После первых же дыхательных упражнений её дыхание выравнивалось, а щёки розовели, как у девушки.

— Какая ты у меня красавица, — дополнил я процедуры комплиментом и поцелуем в щёку.

— Ой, какой ты стал колючий с этой бородой! — засмеялась она, — и ведь знаю, что льстишь, а всё равно приятно, — улыбнулась она, ласково потрепав меня по волосам.

Отец, наскоро позавтракав, сразу уехал на своей машине. Со мной он едва проронил пару слов. Я не считал себя неправым, но всё-таки у меня на душе было тревожно. Если сделка сорвётся, то, похоже, виноватым отец сделает меня.

К собору мы приехали на таксомоторе.

Сидя в полупустом соборе с матерью, я неожиданно поймал себя на мысли, что уже нуждаюсь в этой музыке, как в чистой воде. Нет, я не молился далёкому Богу, но как будто получал уверение, что Он всё-таки существует и в крайнем случае можно к Нему обратиться. Музыка господина Баха, а так же Генделя и каких-то неизвестных мне композиторов, вдохновлённых Христом и Его учением, навевала на меня мистическое настроение.

Впервые после службы я мог не прятаться, как мальчишка, а спокойно поздороваться с леди Бриджит. Внешне я невозмутимо смотрел, как открылась дверь с балкона и из неё вышла баронесса, худенькая, изящная и такая красивая, что внутри у меня всё запело. Её белая или, скорее, бледная кожа оттеняла карие глаза. Розовые губы редко улыбались, но я знал, если удастся вызвать у неё улыбку, то в награду обнажатся жемчужные ровные зубы, что в нашем климате было большой редкостью. На голове у Бриджит как всегда была надета шляпка с неширокими полями, но она так низко наклоняла голову, что я едва успевал поймать её взгляд. А когда наконец поймал, моё сердце сжалось — глаза её были потухшими. Едва поздоровавшись со мной, она бросилась к матери.

— Я получила вашу записку, Агата. Вы надолго уезжаете? Мне будет так вас не хватать.

— Не расстраивайтесь, моя девочка, мы на пару недель, ну, может, на месяц… Как получится, — мать гладила её по плечу.

Мы шли к машине леди Бриджит.

— Я сегодня… — она запнулась, — вечеряю одна. Прошу вас, поедемте ко мне на чай. Мистер Эдвард, — она обернулась ко мне, — составите нам компанию?

Я только молча поклонился. О такой удаче я даже не мечтал.

Через десять минут мы уже были у дома лорда Олденхэма. Этот респектабельный особняк, такой живописный и изысканный снаружи, внутри оказался вовсе не сказочной пещерой. Когда мы проходили за леди Бриджит в гостиную, я посмотрел на дверь курительной комнаты и вспомнил об отце — не хватало, чтобы он получил из-за меня удар…

В гостиной были открыты окна, и ветер гулял по комнате, как истинный хозяин, лениво раскачивая тяжёлые кистья портьер. Леди Бриджит позвонила в колокольчик. Слуги быстро накрыли маленький столик к чаепитию.

— А нельзя ли зажечь камин, Бриджит? — поёживаясь, спросила мать, — что-то я замёрзла сегодня. После вчерашнего дождя ещё ощущается сырость.

Леди Бриджит опять позвонила, и вошедший слуга безмолвно выслушал, а потом также молча разжёг огонь. Я подумал, что Томас, по сравнению с ним, просто болтун.

Мы пили чай из маленьких пузатых чашек. Камин весело потрескивал сухими дровами, а я впал в оцепенение, лихорадочно придумывая повод остаться, если матушка решит быстро уйти. Мне было просто необходимо высказаться…

— Мистер Эдвард, вы меня слышите? Что-то вы очень задумчивы сегодня, — улыбнулась немного грустной улыбкой баронесса.

— Да, простите, я отвлёкся от беседы… А что вы спрашивали?

— Мне попался томик Бёрнса, но из него вырвано несколько страниц, и одно интересное стихотворение осталось без начала… Вы поможете мне определить его название?

— Э-э… постараюсь. А вы читаете Бёрнса? Мне кажется, что он немного… вульгарен.

— Эдди, я думала, тебе он нравится, — удивилась мать.

— Но я мужчина, поэтому мне по душе сын шотландского фермера, а вот, чтобы он нравился даме, такое я встречаю впервые.

— Что вы имеете в виду, когда говорите, что он вульгарен?

Я чуть подумал и прочитал:

Прощай, красавица моя,
Я пью твоё здоровье.
Надоедать не стану я
Тебе своей любовью.

Ты говоришь: — Вступать мне в брак
Покуда неохота, —
А я скажу: — Я не дурак
И ждать мне нет расчёта...

Мать засмеялась.

— Действительно, сын фермера. Эдди, когда ты успел выучить столько стихов? Поражаюсь твоей памяти.

— Матушка, стихи хоть рифмованы, и выучить их просто, а вот запомнить нерифмованные латинские названия каждой косточки гораздо сложнее.

— Бриджит, дорогая, я сяду у камина? — попросила мать, когда мы встали из-за стола, чтобы идти в библиотеку, — я не пойду с вами, а лучше здесь погреюсь.

— Хорошо, Агата. Пойдёмте, мистер Эдвард.

Мы пошли по полутёмным анфиладам вглубь особняка, который, скорее, походил на небольшой дворец, чем на обычный дом. Со всех сторон на меня смотрели важные предки лорда Олденхэма. Чем-то их взгляды напоминали презрительный взгляд Уилби…

В библиотеке тоже горел камин. Леди Бриджит проследила за моим взглядом и пояснила:

— Вы же понимаете, книгам вредна сырость.

— Да, понимаю.

Но меня не интересовали книги, мне хотелось наконец в открытую посмотреть на её лицо. Бриджит вдруг опять лукаво усмехнулась и спросила:

— Эдвард, почему вы ни разу не подошли ко мне, хотя приезжали чуть ли не на каждый мой концерт?

— Вы меня заметили? — опешил я.

— Да, заметила, как вы ребячески прятались за старой акацией.

Я не знал, что сказать, но надеялся, что она и так всё поймёт по моему взгляду. Бриджит смущённо отвернулась, а я, чтобы избежать неловкой паузы, напомнил:

— Так где же ваш несчастный Бёрнс?

— Вот, держите.

Она взяла с письменного стола и подала мне очень старую книгу, где под толстой обложкой явно не хватало половины страниц.

— Это кто же так варварски испортил такое редкое издание? Вы знаете, что это Килмарнокский томик восемнадцатого века? Большая ценность и раритет…

Я поднял голову и понял, что леди Бриджит не слушает меня, а что-то высматривает на улице. Подойдя поближе, я выглянул в окно и увидел подъезжавший роллс-ройс барона, конечно же, самый роскошный авто из всех существующих, и при виде него почему-то встревожился, а может, мне передалась дрожь Бриджит… Её белые тонкие пальцы суетливо хватали невесомую шёлковую шаль, накинутую на плечи, но не могли её крепко ухватить, и она всё сползала и сползала вниз…

— Вы боитесь своего мужа? — не выдержал я.

Бриджит резко обернулась. Её шёлковые каштановые кудри задели мою щёку, и я едва удержался, чтобы не зарыться в них лицом. От них пахло сиренью и свежестью…

— Я хотела вам кое-что подарить, — будто не услышав мой вопрос, прошептала она и быстро подбежала к столу.

Схватив маленькую вещицу, она сунула мне в руку и проговорила:

— Сейчас не смотрите, дома, дома… Вам пора идти…

Чёрное авто, чем-то напоминавшее катафалк, уже парковалось возле парадного входа.

— Подожди, Бриджит, — я взял её за острый локоток и чуть оттянул от окна, — если тебе будет нужна помощь, обещай обратиться ко мне. Слышишь? Обещай!

Она вздрогнула от моего прикосновения, но не отшатнулась. Её карие глаза, оказавшиеся совсем близко с моими, заблестели от влаги. Снова пахнуло сиренью…

— Обещаю, Эдвард, я верю тебе. Но… ты не боишься? Они богатые и могущественные.

Платок всё-таки соскользнул с её плеч, и я увидел доказательства слов отца — по её белой коже тянулась вереница жёлтых и переливающихся разными оттенками пятен, больших и поменьше, налезающих друг на друга, — последствия синяков. Мне вспомнилось моё житьё-бытьё в рабочей слободе. Там, над моей комнаткой, каждое воскресенье были слышны женские крики — муж бил свою жену-ирландку. Каждое воскресенье…

Я едва удержался, чтобы не броситься целовать её плечи. Зубы мои скрипнули.

— Я их не боюсь. Хочешь, я останусь?

— Нет, нет, Эдди, мы потом что-нибудь придумаем, а сейчас пойдём к матушке, — лихорадочно заговорила Бриджит, прислушиваясь к звукам внизу.

Она поспешно поправила шаль, схватила меня за руку и буквально потащила в гостиную. Внизу раздавался какой-то шум, которого я не понимал. Грохот, звон стекла и крик…

Мы едва успели войти в гостиную, как дверь открылась и на пороге появился Олбан Олденхэм. Я впервые видел его таким… Он не мог стоять прямо и держался за дверь. Глаза его смотрели, но не видели. Стеклянный взгляд блуждал по комнате и наконец уткнулся на супругу. Пробормотав что-то невразумительное, лорд Олденхэм всё-таки отлепился от двери и, пошатываясь, пошёл к дивану.

Мать, опешив, смотрела на эту сцену, но как только поняла, что лорд сильно пьян, тут же встала и, делая мне знаки, пошла к выходу. Леди Бриджит снова закуталась в шаль, и лихорадочно блестя глазами, пошла проводить нас.

— До свидания, Агата… Счастливого пути, мистер Эдвард, — стараясь говорить спокойно, прощалась баронесса.

Она держала спину очень ровно, как будто на балу, но по её дрожащей шали, под которой она прятала руки, я понял, что это спокойствие наигранное. Слуга угрюмо подметал осколки напольной вазы. Мне ужасно не хотелось оставлять Бриджит наедине с пьяным мужем, но сейчас я был бессилен. Зато в библиотеке я увидел в её глазах то, что давно жило у меня в сердце, и не знал, радоваться или выть от отчаяния, что сейчас ничего не могу изменить. У меня не было ни денег, ни положения, ни даже дома, куда бы я мог её забрать.

Единственно, чем я теперь обладал — это её серебряный медальон. Дома, оставшись один, я открыл его. С маленькой овальной фотографии на меня смотрела совсем ещё юная Бриджит и лукаво улыбалась.

— Ты всё смеёшься надо мной, — прошептал я, глядя в любимые глаза, — но я готов терпеть все твои насмешки, лишь бы ты не плакала…

Прощай, мой друг, я ухожу,
Куда ведёт дорожка.
Но, может, в полночь погляжу
Я на твоё окошко.

Глава 8

Белоснежный лайнер, на котором мы отплывали в Грецию, назывался “Олимпик”. Опасливые взгляды пассажиров выдавали, что у многих этот лайнер ассоциировался с его братом “Титаником”. Но плечистый стюард, проверяющий наши билеты, выглядел спокойным и уверял пассажиров в надёжности корабля. Заметив пса, он объяснил, куда я должен его отвезти, как только мы устроимся. Бобби с любопытством оглядывал корабль и чуть поскуливал, желая, чтобы его отпустили с поводка.

Мы неспешно поднялись по трапу на палубу второго класса. Отец хотел купить билеты в первый, но матушка настояла на втором.

— Генри, я думаю, там будет не хуже, чем в первом классе. Зато меньше помпезности. Ты же знаешь, мне это не по душе.

— Как хочешь, дорогая, — легко согласился отец.

Мать оказалась права. Наши каюты показались мне настолько роскошными, что я, вспомнив свои комнатки в Лондонской квартире, почувствовал себя нищим, забравшимся в королевские покои. Каков же тогда первый класс? — с удивлением оглядывая рельефные потолочные плафоны, бархатные занавесы и ажурные шёлковые покрывала, думал я.

Отведя Бобби на шлюпочную палубу, я решил прогуляться, чтобы получше рассмотреть брата-близнеца злосчастного Титаника. Страшно было представить, что испытали пассажиры, когда узнали, что мест в шлюпках всем не хватит. Мои недавние томления от скуки сразу показались такими незначительными по сравнению с теми ужасами, с которыми столкнулись несчастные.

Я наткнулся на курительную комнату для второго класса. Комната была оформлена в строгом британском стиле с тёмными деревянными панелями. Такой интерьер подействовал на меня успокоительно, и на миг показалось, что старая, добрая Англия — повелительница морей — путешествует вместе со мной.

Выйдя на палубу, залитую солнцем, я замер, бездумно глядя на горизонт. Вокруг меня бесцельно ходили пассажиры, звучали взрослые и детские голоса на разных языках, но я никого не видел и не слышал. В голове бился вопрос: что будет после поездки — опять прежняя рутина, навевающая тоску? Чем наполнять жизнь? Похоже, что мой жизненный путь ведёт меня в пустоту, в никуда. Кроме любви, ничего не могло меня утешить. Но именно в этом была проблема — та единственная женщина, которая меня волновала, пока не могла быть моей женой, а найти лучше неё я не надеялся, потому что лучше не существует… А что я найду в Греции? Зачем туда еду? — спрашивал я себя.

До этого мне не пришлось побывать на родине матери. А ведь матушка, должно быть, несёт на себе отпечаток той страны и народа, совершенно неизвестного мне. Я впервые задумался над своей привязанностью к матери, нехарактерной, как я подмечал, для моих одноклассников. Мать всегда была очень добра ко мне, и я не мог не ответить ей тем же.

Поискав её глазами, я с удивлением обнаружил, что она уже с кем-то разговаривает. Похоже, это были её земляки. Да, судя по счастливой улыбке, порхавшей на губах матери, — так и есть.

— Эдвард, — заметила она мой взгляд, — иди сюда! Знакомьтесь, это мой сын Эдвард, — с тайной гордостью в голосе, представила она меня своим собеседникам — пожилой супружеской паре черноволосых греков. Правда, густая борода мужчины была сильно разбавлена сединой, но пронзительные синие глаза и нос, формой напоминающий матушкин, выдавал в нём истинного уроженца Греции. Он с удовольствием протянул мне руку:

— Будем знакомы, Яннатос, а это моя жена госпожа Яннату.

Я представился в ответ и пожал протянутую руку. Госпожа Яннату доброжелательно кивнула соломенной шляпкой и продолжила разглядывать меня такими же синими глазами, как и у мужа.

— А кто вы будете по профессии, мистер Моррис? — она улыбнулась, и я увидел её белоснежные крупные зубы, какие редко встретишь в нашем гнилом климате.

— Я врач-терапевт.

— Что ты пристала к молодому человеку, Дорис? Вечно лезешь к людям с распросами, — внезапно набросился на неё мистер Яннатос.

— Ах, не затыкай мне рот, Саймон, — тоном торговки возразила жена, — что хочу, то и говорю. И не тебе меня учить хорошим манерам…

Было странно слышать такое откровенное выяснение отношений, но самым удивительным было то, что они говорили это без тени обиды друг на друга.

— Так вы сопровождаете вашу матушку из-за её болезни или из интереса? — снова спросила гречанка.

Я обернулся на мать и поразился, как она похорошела то ли от солнца, то ли от морского воздуха, то ли от внимания. Её глаза излучали мягкий свет.

— Посмотрите на эту цветущую женщину, — я галантно поцеловал ей руку, — одна мысль, что она плывёт на свою далёкую родину избавила её от всех недомоганий. Нет, в качестве врача мне там делать нечего, только в качестве любящего сына.

Все дружно рассмеялись. А я и сам удивился, откуда во мне появилось столь необычное для меня красноречие. Видно, невольно заразился искренностью попутчиков. А ведь во мне половина греческой крови, — подумал я и впервые ощутил это в себе.

Через некоторое время мы разошлись по каютам, чтобы переодеться к обеду. Лайнер длинным гудком сообщил об отправлении, и, словно огромный, неторопливый кит, отплыл от причала.

Как-то там без меня Бобби? — с лёгким беспокойством подумал я и решил проведать дружка перед обедом.

Но Бобби не скучал. В вольере он уже нашёл себе подружку — болонку, чуть поменьше его, но по скорости и по желанию хулиганить нисколько ему не уступавшей. В то время как большие собаки степенно сидели и ждали обеда, изредка погавкивая друг на друга, маленькие жались к стенке, в испуге поглядывая на незнакомое общество, Бобби с подружкой бегали по кругу как заведённые, и, казалось, для них никого больше не существовало.

Я застыл недалеко от клетки, раздумывая, стоит ли нарушать собачье веселье. Немного впереди меня стоял худенький подросток, лет двенадцати, и тоже наблюдал за игрой собак. Мальчик обернулся и, увидев, что я улыбаюсь, нерешительно подошёл ко мне. Он заговорил по-французски.

— У вас тоже здесь собачка, месье?

— Да, вот тот сумасшедший терьер, который побольше.

— А моя — которая поменьше.

Мы рассмеялись.

— Вас как зовут?

— Алекс, а вас?

— Эдвард.

— Мы никогда не оставляли Бижу, и я ужасно переживал, что она будет плакать. Как хорошо, что у неё появился друг, — порадовался он, провожая взглядом свою болонку на очередном забеге по кругу.

Я всё пытался понять, какой он национальности. На англичанина не похож — его вид был слишком отрешённым для анлийского мальчишки, его французский был хорош, но уж слишком правильным, как у школьника-отличника. Его светлые волосы, без тени рыжины,

похоже, окончательно выгорели на солнце и казались совсем белыми; на чуть курносом носу проступили веснушки, а глаза отливали такой синевой, что могли поспорить с оттенком морской волны. Кто же он?

— Где ваша родина? Откуда вы приехали? — не выдержал я.

Мальчик задумчиво посмотрел на меня и произнёс:

— Мы из России. Едем в Салоники, на виллу к нашему другу.

Ну конечно, — подосадовал я, — как же я сразу не догадался: славянские черты, православный крестик на груди, как у моей матери, и свободный французский, который, как я слышал, был чуть ли ни вторым языком в России.

— Алекс! — звонкий голос позвал моего собеседника откуда-то издалека.

Мальчик встрепенулся и, пробормотав извинение, убежал. Я ещё раз посмотрел на вольер и, увидев, что гонки по кругу закончились и собаки мирно обедают, решил и сам подкрепиться.

Мать ждала меня за столиком, за которым, естественно, уже сидели и наши знакомые греки. Господин Яннатос успевал и обедать, и выкладывать все новости, что узнал за первые часы плаванья.

— Вы знаете, что наш капитан шотландец? Оказывается, у них, у моряков, в каждом порту по жене. И детей куча, тоже по всему берегу. При этом он себя не считает распутником. А когда уйдёт на пенсию, то будет выбирать, с какой женой провести остаток дней, — сначала он рассказывал всем сразу, но, заметив суровое выражение лица супруги, стал обращаться только к нам с матерью.

— Ты, я смотрю, хотел бы так же, — проворчала госпожа Яннату, — слишком много зависти в голосе я слышу.

— Брось, Дорис, мы люди православные, нам нельзя, — миролюбиво начал Саймон, но тут же вскипел от её скептической насмешки: — тебе лишь бы покритиковать меня перед другими. Самой-то не стыдно, позоришь нашу семью…

Он так сильно начал размахивать руками, что я поспешил отодвинуть от него свой бокал. Мать, похоже, отвыкла от таких явных проявлений чувств и сидела, уткнувшись в тарелку. Мне вдруг стало душно и страшно захотелось зевать. Еле сдержавшись, я посмотрел на выход.

— Извините, что-то мне не хочется есть, — пробормотал я, вставая.

В это время то ли особенно сильная волна наткнулась на лайнер, то ли у меня закружилась голова, но я покачнулся и схватился за спинку стула.

Мать испуганно подняла голову:

— Тебе плохо?

— Не знаю…

— Да у вас морская болезнь, — во всеуслышание объявил Саймон, — вы же врач, должны это знать, — он резко переключился со спора с женой на меня, — возьмите с собой лимоны. Придёте в каюту и поешьте их, вам полегчает.

Я пытался возражать, но он просто сунул мне пару лимонов в карман. Мне становилось всё хуже и хуже. До каюты я шёл невероятно долго, останавливаясь, чтобы подышать морским ветром, надеясь, что он поможет унять тошноту, но легче не становилось. По лбу струился холодный пот, голову сжало обручем. Наконец, открыв заветную дверь, я рухнул в постель и уснул. Проснувшись, я снова почувствовал ужасную тошноту и вспомнил про лимоны. Они, действительно, помогли. Стало немного легче, но встать я не смог, да и не хотел. Ночью меня бросало из одного конца койки в другой и раскачивало широкой зыбью. Поспать удалось всего лишь пару часов.

— Когда же это закончится? — стонал я, — пора бы мне уже привыкнуть к качке…

Мать с утра принесла мне зелёный чай, снова лимоны и какие-то солёные сухарики. Так прошёл ещё один день. Тошноты уже не было, но головная боль сдавила виски с такой силой,

что я не мог оторвать голову от подушки. Малейший звук в коридоре отдавался пульсирующей болью в висках. Тем ужаснее показался стук в дверь к концу ужасного дня…

— Кто там? — простонал я.

— Помогите, доктор Моррис, мальчику плохо! — услышал я мужскую французскую речь.

Я буквально сполз с постели и на ватных ногах подошёл к двери. После полутёмной каюты ярко освещённый коридор ослепил меня. Проморгавшись, я увидел невысокого господина в одной рубашке, без пиджака. Его искажённое горем, белобрысое лицо кого-то мне напомнило, но очередной спазм в голове не дал вспомнить — кого. Полузакрыв глаза, я прошептал:

— Какому мальчику? И что… другого врача нет на корабле? Видите, мне плохо…

Он подошёл ко мне совсем вплотную и зашептал:

— Простите, но мне некогда искать. Нам греки указали на вас, и я сразу побежал. Я вижу, у вас тоже морская болезнь, так что вы знаете, как помочь моему сыну.

Усилием воли заставив себя оторваться от двери, я вернулся в каюту, чтобы попить воды. Пока я пил воду с лимоном, глаза машинально искали докторский чемоданчик.

— Сейчас я оденусь и приду, — прохрипел я, закончив пить. — Какая у вас каюта?

— Давайте я вам помогу одеться и провожу вас, — предложил господин, вошедший за мной следом.

Не дожидаясь моего согласия, он стал суетливо подавать мне одежду, с тревогой заглядывая в глаза, не передумаю ли я? Однако я уже смирился с тем, что нужно идти.

Мы вышли на палубу, чтобы перейти в первый класс, и я чуть не задохнулся от налетевшего ветра, плеснувшего мне в лицо ночной холод. Глубоко задышав, я потряс головой, как Бобби после купания, и последовал за господином.

Каюта первого класса была похожа на роскошный номер в гостинице, но мне некогда было её рассматривать. На кровати я приметил того самого мальчика, у которого была собачка то ли Жужа, то ли Бизе… Лицо его было бледнее бледного. Я потрогал лоб — он был холодный и влажный от холодного пота, какой я пережил всего сутки назад. Мальчик не открыл глаза и не отреагировал на моё прикосновение.

— Расскажите всё о его болезни, — обратился я в пространство.

Из тёмного угла выступила женская фигура. Это была старшая сестра, — догадался я. Девушка быстро заговорила по-английски.

— Вы же англичанин? Отлично… Когда Сашу затошнило, нам стюард посоветовал есть лимоны. Сначала это помогло, и брату стало легче. Но потом он стал жаловаться на боли в животе, прямо корчился от боли… — я услышал в её голосе слёзы, — доктор, у него никогда не болел желудок. Это всё лимоны, да?

— Похоже на то, — кивнул я согласно.

Ещё собирая чемоданчик, чтобы идти к ним, я по рассказу отца заподозрил у ребёнка гастрит. Теперь нужно было убедиться в этом.

— Нужно его разбудить, чтобы он не испугался, когда я буду пальпировать его живот.

— Да, да, сейчас… Сашенька, — она наклонилась к брату и нежно погладила его по белой щеке, — Сашенька, проснись, открой глазки, душечка.

Невольно я залюбовался ею — чуть растрепавшиеся русые волосы свисали длинными локонами по спине и плечам. Её миловидное, со славянскими чертами, лицо, повёрнутое к брату, излучало нежность и заботу. Если бы я не знал, что она его сестра, то решил бы, что мальчик был её сыном.

— Не называй меня душечкой, — услышал я слабый голос больного, — я же не маленький.

— Ну прости, прости…

— Молодой человек, вы меня помните? — вмешался я, нависнув над ним. Тот посмотрел и слабо кивнул, — я должен помять ваш живот, а вы скажите, если будет больно.

Обследование подтвердило мою догадку, и я порадовался, что у меня с собой была настойка пастушьей сумки, облегчающая желудочную боль. Мальчик проглотил первую порцию лекарства и лёг обратно, а я подошёл к отцу.

— Никаких лимонов и вообще ничего кислого не давать, иначе последствия могут быть самыми плохими. Лучше перетерпеть качку. А вот эту микстуру принимать через каждый час, — я сунул ему бутылочку.

— Сколько мы вам должны? — по-деловому спросил отец, доставая бумажник.

Я потёр голову и… вдруг понял, что она не болит.

— Нисколько не должны, — усмехнулся я, — у меня благодаря вам прошла голова. Всего наилучшего. Если будут ещё вопросы, вы знаете, где меня искать.

Не слушая возражений, я вышел на палубу. Я глубоко дышал и дрожал от холода, но мне было так хорошо на душе, я ощутил такую свободу от боли, что не хотелось идти в душную каюту, словно там меня караулила болезнь. Как так получилось, что ужасная боль исчезла, как только я переключился на ребёнка? Это было удивительно.

— Мистер, мистер, — услышал я сзади и обернулся.

Ко мне спешила сестра Алекса. Её шаги были твёрдыми, а руки легко касались перил, будто и не было никакой качки. Ветер играл с её платьем, раздувая его, словно парус, а потом заботливо обвивая её длинные, стройные ноги. Маленькие плечи девушки укрывала длинная шаль.

— Мистер Моррис, почему вы не взяли деньги? Вы считаете, мы не можем заплатить? — спросила она, остановившись передо мной. В темноте ночи её глубоко посаженные глаза таинственно блестели, и она была ещё краше, чем показалась мне в каюте.

— Вы живёте в первом классе, поэтому я, естественно, так не считаю. Но мы с вашим братом почти подружились — через собачек.

— А-а, он рассказывал мне, — она улыбнулась, закутываясь в шаль плотнее, — это ваш терьер поставил на уши всех собак?

— Почему на уши? — не понял я.

— У нас так говорят в России, если хотят рассказать о поднявшейся суете.

Мы представились друг другу. Я узнал, что барышню зовут Мария Левицкая. По её мягкому голосу, грациозности и безупречной осанке я ещё раньше угадал её благородное происхождение — она была из древнего рода князей Левицких.

Мы шли рядом по тёмной палубе и слушали шорох волн за бортом, лениво лизавших корабль. Вдали, по еле заметной полоске горизонта, ползли блестящие улитки кораблей. Звёзды были невероятно яркими… Мне показалось, что до этого я настоящего звёздного неба и не видел — такого бескрайнего, строгого и торжественного, как музыка Баха в исполнении леди Бриджит. Едва пошевелив губами, я произнёс её имя без титула, словно пробуя на вкус — Бриджит…

— Мне пора. Спокойной ночи, мистер Моррис, — вывела меня из задумчивости княжна, — ещё раз спасибо вам, — она по-дружески пожала мою руку.

— Спокойной ночи, мисс… Кстати, вы прекрасно говорите по-английски.

— Это потому, что мой… — она почему-то запнулась, — жених служил дипломатом в Англии. Он меня избавил от акцента.

— Почему вы запнулись? Вы не уверены в том, что этот дипломат ваш жених? — не сдержал я любопытство.

С круглоликой луны ветер наконец сдул последние нити вечерних облаков, и я увидел глаза девушки. Они были такие же синие, как у брата, но сейчас казались чёрными и смотрели строго. Однако княжна быстро справилась с собой и опустила голову.

— Не уверена, вы правы, но… скоро всё решится. Вы знаете, — в её голосе я услышал непонятную мне горечь, — раньше в Византийской Греции и в Турции процветал невольничий рынок, — я кивнул ошеломлённо, — так вот… — она посмотрела вдаль, словно надеясь увидеть берега приближающихся Салоник, — туда меня и везут, там и продадут, — добавила она почти неслышно, но я разобрал, — прощайте.

Вот и первое приключение, подумал я, провожая её взглядом. Путешествие только началось, а уже столько всего произошло. Что же дальше-то будет…

Глава 9

На следующее утро я был разбужен перебранкой капитана и рабочих на берегу какого-то городка, где мы простояли всю ночь. Рабочие просили у капитана на чай, но он в ответ так бранился, что я пожалел бедняг, оставшихся без вознаграждения. Может, из-за этого мы так долго снимались с якоря. В окно только и слышно было: “Are you ready? We are ready”, но корабль не двигался с места, хотя все были ready. Я выглянул в окно и увидел несколько пароходов, то ли прибывших, то ли отплывающих вместе с нами. Все гудели, и было непонятно: мы стоим, а другие корабли плывут, или они стоят, а мы плывём мимо… Но вскоре, увидев, как уезжает в сторону маяк и маленькие домики на побережье, я порадовался, что всё-таки мы поплыли дальше.

Я ещё со страхом прислушивался к своему организму, но, похоже, морская болезнь меня оставила, поэтому я рискнул вместе с матерью выйти погулять по палубе.

— Капитан сказал, что мы выбрались из Бискайского залива, дорогой, теперь качка будет потише, — заботливо поправляя мне галстук, объявила матушка, когда я зашёл за ней в каюту.

— Почему у тебя нет морской болезни, а у меня есть? — проворчал я, последний раз оглядывая себя в зеркале.

— Ты забываешь, что я выросла на море и такую качку вообще не замечаю.

Море показалось невероятно голубым, пена слепила белизной, облачка радовали своей прозрачностью и лёгкостью — значит, погода опять будет хорошей.

Матушка с затаённым чувством смотрела вдаль. Мне она показалась необычайно молодой, наверное, из-за лёгкого загара уже окрасившего её кожу.

— Почему ты не закрываешься от солнца зонтиком?

Она посмотрела на меня своими чёрными глазами, и я опять поразился живости её взгляда.

— Не хочу слишком выделяться своей белой кожей среди соплеменников. Кстати, греки называют свой город не Салоники, а Фессалоники, учти.

— Я надеюсь, ты покажешь мне свой город? — рассеянно глядя на горизонт, спросил я.

Мы проплывали мимо гористой Португалии, с её белоснежными домиками, освещаемыми, казалось, никогда не заходящим солнцем. Однако стоило вспомнить хрупкую фигурку Бриджит, как я переставал всё это видеть, и появлялось непреодолимое желание выйти в ближайшем порту и поплыть обратно.

— Почему у тебя пустые глаза? Ты расстроен? — мать, как всегда, чутко уловила моё настроение.

Врать не имело смысла, и я кивнул.

— Не спрашивай меня, прошу тебя.

Мы дошли до кормы, где было безлюдно, и застыли, подставив лица встречному ветру, который ласково гладил кожу, смягчая жёсткость солнечных лучей.

Матушка была погружена в свои мысли, и я обрадовался, что можно сменить тему, но она неожиданно спросила:

— Ты её любишь?

Я вздрогнул, будто меня ударили в грудь.

— Кого?

— Ты знаешь, — твёрдо, с нажимом ответила она.

Ветер, касаясь незащищённой кожи, уже походил на холодное лезвие. Чтобы оттянуть ответ, я стал застёгивать куртку. Промозглый воздух сделал хладнокровными мои мысли, но не сердце. Мне захотелось развернуть пароход обратно.

— Я не хочу разрушать жизнь Бриджит, но чувствую, что моя жизнь без неё не имеет смысла, — выдавил я.

Слава Богу, мать была не из тех глупых людей, которые сразу начинают говорить правильные, но пустые слова. Она молчала, и я продолжил:

— Почему и когда я к ней так привязался? Она красивая, но есть и красивей. Вон, русская княжна например. Бриджит умна, но, наверное, есть и умнее. Для меня она в какой-то момент стала другом, родным человеком. А что говорят про родных? — я посмотрел на мать, но она только улыбнулась, — ничего. Вот ты просто радуешься, что они есть. Так и я…

— Значит, любишь, — вздохнула мать, — и она тебя тоже. И в этом виновата я.

— Что? — я резко обернулся к ней. Мне захотелось схватить её за плечи и потрясти, чтобы она продолжала, — откуда ты знаешь? И почему ты виновата?

— Знаю, потому что давно всё поняла. Это вы, мужчины, ничего не замечаете, а мы, женщины, всегда всё видим, и в душе друг друга тоже. Бриджит была такая юная, когда мы впервые с ней познакомились. Я чувствовала, что ей страшно не хватает матери, ну и приветила её, как могла. Хорошая девочка, ласковая, — мать по-доброму улыбнулась, вспоминая, — да и мне не хватало дочки. Вот и дружба получилась.

— Так почему ты виновата? — продолжал допытываться я.

— Потому что, пока ты рос, я только о тебе и говорила. Нахваливала тебя на все лады: какой ты заботливый, умненький, добрый. Она, хоть и поддразнивала тебя, а тоже привязалась к тебе.

— Ты хочешь сказать, что она любит меня как сына?

— Если бы у вас была разница в годах побольше, то, может, так бы и получилось, но… ты слишком быстро вырос. Её любовь изменилась. Я давно это подозревала. Она стала смущаться, убегать перед твоим приходом. В общем, случилось то, что случилось.

— Я сначала думал, она любит своего мужа, — проговорил я, вспоминая свои сомнения, — разве не так? Барон такой внимательный...

Мать невесело усмехнулась и отвернула лицо от встречного ветра. Её чёрные с проседью пряди тут же вылезли из-под шляпки и, повинуясь дуновению, сразу облепили лицо, закрывая и глаза, и рот. Неспешным красивым жестом убрав волосы за уши, она продолжила:

— Ты знаешь, недавно я прочитала какой-то дешёвенький детектив, так… от нечего делать. Но меня поразило описание многожёнца, заманивающего в свои сети и молоденьких девушек, и опытных женщин. Полиция долго не могла понять, чем же он их брал — вроде не красавец и не богатый. Оказалось, он их покупал тем, чего не было ни у одного мужчины из их окружения.

— Чем же? — с лёгким чувством досады спросил я, не понимая, что это матери вздумалось мне рассказывать детектив, когда меня волновало совсем другое.

— Внимательностью.

— Чем?

— Ты думаешь, это ерунда? Нет, мой дорогой. Вот ты, наверное, замечал, что к тебе приходят люди иногда только для того, чтобы ты их выслушал? Так вот… Многожёнец не был доктором, он просто знакомился с женщинами и внимательно их слушал. Не рассказывал о себе, не бахвалился деньгами, не хвастался своими достижениями, а смотрел на них такими глазами, в которых читался интерес именно к их персоне. Он узнавал их привычки, их потребности и превосходно подыгрывал им. Немудрено, что женщины таяли от его любезности.

— Для чего ты мне всё это рассказываешь?

— Это ответ на твой вопрос про лорда Олденхэма. Да, он внимательный, предупредительный, но их отношения с леди Бриджит ещё сложнее, чем у нас с твоим отцом.

— Почему?

— Потому что у барона чуткость и заботливость кота, ухаживающего за мышкой. Дело не в деньгах, а в статусе леди Бриджит. Ей нельзя сделать в сторону ни шагу. Помню, как она мне рассказывала, что влюбилась в барона, потому что он принял её такую, какая она есть, разрешив заниматься любимой музыкой. А когда вышла замуж — хлоп! — ловушка захлопнулась и обратной дороги нет, изволь соответствовать статусу баронессы. Никаких концертов, кроме аббатства. Никаких гастролей, никаких сомнительных знакомств из другого круга, ничего… Я знаю таких хитрецов, любителей поиграть в кошки-мышки… Эта девочка Бриджит, видимо, искала идеал, а нашла, как это в жизни бывает, хуже, чем если бы не искала.

— Интересно, — пробормотал я, — а я к какому типу принадлежу: равнодушных или хитрых?

Мать взяла меня под руку, и мы пошли обратно, повернувшись к ветру спиной.

— Ты для меня идеальный, а уж как будешь для любимой женщины — это от тебя зависит. Но мне кажется, что твоя профессия доктора, а впридачу ты ещё и писателем хочешь стать, делает тебя более чутким, в том числе и к женщинам. Чем внимательней будет твой взгляд, тем успешнее пойдут твои дела. Верно?

— Верно, — задумчиво подтвердил я, пытаясь осмыслить всё, что открылось мне за утро.

— Но всё же, Эдвард, не порти жизнь ни ей, ни нам, — в голосе матери зазвучала мольба. Она чуть приостановилась и посмотрела на меня своим коронным взглядом раненой косули. — Если, не дай Бог, она задумает из-за тебя развестись, мы не сможем остаться в Сент-Олбансе. Лорд не потерпит такого. Мы не знаем, какие демоны живут в его душе, хотя… одного из них мы увидели позавчера, — она покачала головой. — Подумай хорошенько.

— Матушка, я не собираюсь пока ничего предпринимать, — сердито буркнул я, обманывая её и себя. Мне было и радостно, и тяжело вспоминать тот вечер… Медальон холодил грудь и даже простым прикосновением к коже волновал сердце.

Предостережения матери были абсолютно здравыми. Я понимал, что мне нечего предложить Бриджит, если она разведётся. Несмотря на то, что на дворе уже был двадцатый век, и предыдущий король Эдуард не был образцом высокой морали, всё же в провинции нравы ещё оставались викторианскими, со строгой нравственностью и влиятельным общественным мнением. Если нас осудят, то жизни в Сент-Олбансе не будет не только мне с Бриджит, но и моим родителям.

И всё-таки надежда на счастье так явственно пела ликующую песню в моей душе, что ни мой хвалёный прагматизм, ни здравый смысл не могли её заглушить.

Глава 10

Гулять по такому холоду не хотелось, но и в каюте мне было нечего делать. Я решил пойти в курительную. Там я обнаружил трёх человек. Я поклонился, сел недалеко от входа и принялся разглядывать мужчин. Первым был высокий, молодой человек, с холёным лицом. Он беседовал с моим знакомым русским князем Левицким, который вытащил меня прошлой ночью из каюты. Третий был матрос. Он сидел возле небольшого столика и чинил фонограф. Периодически молодой человек со знанием дела давал ему советы:

— Вот эту гайку возьмите, правильно… Теперь прикрутите вот этот винтик.

Матрос послушно брал, что ему предлагали, и постоянно приговаривал:

— Спасибо, сэр… Да, сэр… Хорошо, сэр…

Я понадеялся, что он не будет испробовать фонограф здесь же, но я ошибся. Закрутив последнюю гайку, служащий корабля тут же покрутил ручку фонографа и зазвучала знакомая музыка из оперы Верди. К счастью, звук фонографа был без шипения и хрипа. Мы немного послушали в молчании. Потом матрос встал, ловко взял под мышку аппарат, почтительно поклонился важному молодому человеку и пробормотав ещё раз “благодарю, сэр” быстрым шагом удалился из курительной. Воцарилась блаженная тишина.

Глаза русского князя обратились на меня.

— О, мистер… Моррис, а мы с Дмитрием как раз говорили про вас.

Я поднял брови, хотя удивительного тут ничего не было. Стоит людям узнать, что ты врач, как они тут же находят у себя тысячи болезней и срочно нуждаются в консультации.

— Познакомьтесь, это друг нашей семьи Дмитрий Коваль. А это наш добрый английский доктор, который спас Сашеньку от желудочных болей.

Мы быстро пожали руки и, с внутренним облегчением преодолев официальную часть, стали разглядывать друг друга. Я уже догадался, что Дмитрий и есть тот самый жених, в котором ещё сомневалась княжна. Что ж, я её понимал — я бы тоже сомневался. Спесь вкупе с самодовольством, светившиеся в его глазах, — не самые лучшие качества для молодости, впрочем, для зрелого возраста тоже. Что думал Коваль, я не знал, но судя по его заинтересованному взгляду, он восхищался уже одним тем, что я англичанин.

— Вы в Лондоне живёте? — спросил он, пересаживаясь в кресло поближе.

— Д-да, но родился я в маленьком городке другого округа…

— Это неважно. Мне кажется, если у тебя есть дело в британской столице, то ты не зря прожил жизнь. Такой город… — он закатил глаза.

Его английский язык был слишком безупречен, поэтому не походил на родной. Но говорить ему об этом я, конечно же, не собирался.

— А вы тоже работаете в Лондоне?

— Да, — с радостным оживлением ответил он, — я помощник дипломата в российском посольстве. Вот, едем в отпуск, в Грецию, с моими друзьями.

— А почему именно в Грецию?

Коваль чуть смешался, раздумывая, рассказывать или нет, но потом решился.

— Видите ли, мой знакомый турок после Лондонского соглашения, когда Салоники перешли в греческую юрисдикцию, решил продать свой дом. А я тут как тут, — снова с самодовольным блеском в глазах рассказывал он, — купил недорого. — Он обернулся к князю, — дом отличный, князь, и я не упустил возможность его приобрести, тем более, что в Греции климат не хуже, чем в Италии, — небрежно добавил он.

— Вы большой молодец, Дмитрий, — слишком уж живо поддержал его князь Левицкий, так что мне стало неудобно за его заискивание перед этим зазнайкой.

Я замолчал и стал просматривать газеты, которые лежали на маленьком столике рядом с моим креслом. Князь и Коваль принялись раскуривать сигары.

— Мистер Моррис, — снова заговорил Левицкий, — у нас сегодня будет прощальный ужин, ведь завтра, надеюсь, мы уже будем в Салониках. Вы не посетите нас вместе с вашей матушкой?

— Кстати, — вспомнил я, что хотел спросить, — а вашему сыну лучше?

— О, да, благодарю вас. Ваша настойка просто творит чудеса, — закивал счастливый папаша, — поэтому мы и хотим отпраздновать…

Он не успел договорить, как дверь в курительную открылась и вошёл мой знакомый грек — мистер Яннатос, внося за собой смесь шума моря, крика чаек и гудения далёкого парохода. Быстро осмотревшись, он кивнул всем сразу и тут же набросился на князя.

— Ну как? Помог вам мой совет пригласить доктора Морриса?

— Помог, помог… Мистер Яннатос, может, вы с супругой тоже придёте к нам сегодня вечером на ужин?

— Непременно, непременно придём, — обрадовался Саймон. — Как ваша матушка, Моррис? Что-то я не нашёл её на палубе.

— Мы уже нагулялись и замёрзли. Думаю, она пошла в каюту отдыхать.

Саймон кивнул и тут же забыл про меня, атаковав своими рассказами русских. Я вскоре откланялся и, пообещав обязательно прийти к ужину, удалился, не желая слушать его болтовню.

Теперь у меня появилась возможность разглядеть хорошенько каюту первого класса. Если бы я не посещал дом лорда Олденхэма, то сказал бы, что ничего роскошнее в жизни не видел. Даже слишком роскошно, на мой взгляд. Зачем нужна такая люстра, которая раскачивается от качки, и невольно беспокоишься, а не свалится ли она тебе на голову? Паркет, резная мебель и дорогие вазы на корабле, по моему мнению, выглядят глупо… Впрочем, может, это во мне взыграл не прагматизм, а зависть? Я про себя ухмыльнулся, а внешне, конечно же, выразил восхищение красотой женщин, занимавших эти покои. Пожилая княгиня показалась мне обыкновенной, без причуд, не то что моя матушка, опять напомнившая мне в чёрном наряде королеву Гертруду. Зато молодая княжна была прелестна в голубом платье, в котором ощущался не сколько шик, сколько тонкий вкус — на вид оно было простым, из шёлковой ткани без лишних украшений, но пояс был вышит каким-то странным узором, так что его невольно хотелось рассматривать. Но всё-таки больше меня интересовали её отношения с женихом.

Дмитрий, смотревшийся в дорогом фраке ещё выше, чем мне показалось днём, стоял рядом с Марией и принимал гостей так, словно это были его аппартаменты. Мне вспомнились горькие слова княжны, что её везут продавать — ну конечно, у него деньги, у неё титул, а обнищавший князь мечтает пристроить дочку за богатого мужа. Банально, но жизненно.

Мои размышления прервал вбежавший в каюту Алекс. В руках он держал какую-ту нарядную книжку с картинками и уже собрался что-то показать сестре, как увидел гостей и на секунду оробел, но встретившись со мной взглядом, тут же отложил книгу и подошёл, улыбаясь.

— А я сегодня опять ходил к вольеру. Наши собачки окончательно подружились.

— Мне приятно это слышать, — улыбнулся я в ответ, — если уж наши собаки дружат, то будем дружить и мы. Вы согласны? — спросил я и протянул руку.

— Согласен, — весело кивнул он, отвечая на рукопожатие. Я задержал его руку и чуть притянул к себе, — вы себя хорошо чувствуете?

— Да, спасибо, мне ваше горькое лекарство помогло, — серьёзно ответил он, заглядывая мне в душу своими голубыми глазами.

— Очень рад за вас.

— Да, мистер Моррис, — окликнула меня княгиня Левицкая, — я ещё не поблагодарила вас за сына. Это было так мило с вашей стороны, — посыпались банальные слова, которые я почти не слушал, но вежливо кивал.

В каюте играл, похоже, тот самый фонограф, который матрос так успешно починил. Заметив мой взгляд, Коваль удовлетворённо кивнул, будто это полностью его заслуга, и, обратившись к княжне, сказал по-французски:

— Видите, Мария, как я обещал — всё работает.

— Благодарю, Дмитрий, — рассеянно ответила она тоже по-французски и тут же повернулась к брату, чтобы поправить воротник его матросской курточки.

Гости стали усаживаться за большой стол, уставленный блюдами на любой вкус. Здесь были крабы, креветки, мясо в каком-то красном ягодном соусе, рыба с моими любимыми лимонами и что-то ещё, чего я не разглядел. Меню и сама каюта были так роскошны, что иной раз я забывал, что мы находимся на корабле, а не в ресторане. Лишь мелодичный звон люстры, звякающий в ритм тихой музыки из фонографа, напоминал о качке, к счастью, сегодня едва ощутимой.

Меня забавляло звучание речи на разных языках. Мария с братом говорили на французском. Дмитрий со мной на английском. Матушка с Саймоном и его женой на греческом, а князь с княгиней на русском. Смешение народов и языков заметил не только я.

— Господа, — провозгласил Коваль, — предлагаю всем перейти на английский язык, чтобы никому не требовался переводчик. Все согласны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.